

The background of the cover is a detailed oil painting of two young women with long, dark, wavy hair, wearing white lace wedding veils. They are positioned closely together, looking directly at the viewer with a somber expression. The painting is enclosed in an ornate, dark wooden oval frame. The overall style is romantic and dramatic.

ЕЛЕНА ПАЛЕНОВА

ВСТРЕТИМСЯ
В ПОЛНОЛУНИЕ

ЧАСТЬ 1

Елена Паленова

Встретимся в полнолуние. Часть 1

<https://litres.ru/74300683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы могли бы родиться сёстрами-близнецами, но смертная порча оставила в живых лишь одну из нас. Долгих двадцать два года я была лишь незримой, безмолвной тенью своей сестрёнки. Росла вместе с ней, выросла. Смотрела на мир её глазами, но чувствовала и понимала всё иначе. Не имела возможности указать на её ошибки и предостеречь от глупых поступков или решений. Я прожила бы свою жизнь не так, как она, потому что мы разные. Теперь Алиса намерена выйти замуж за человека, которого не любит. Она ищет выгоду, а я... Я хочу покоя в семье, счастья и простого человеческого тепла, которого у меня никогда не было. И любви я тоже хочу, но кто полюбит призрака, у которого нет даже имени?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	64
Глава 7	80
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Елена Паленова

Встретимся в полнолуние. Часть 1

Пролог

Двадцать три года назад.

Руки гостьи дрожали — верный признак волнения и страха, но ведь она и не по хорошему делу к ведьме пришла.

— Боишься? — спросила Миланья, понимающе ухмыляясь. — Правильно, что боишься. Должна бояться. Зло добром никогда не возвращается. Хотя и не твоими руками беда будет сделана, а вина всё одно на тебя ляжет. Неужто мужик может быть настолько хорош, что ради него и чужую жизнь сгубить не жалко, и свой покой не дорог?

— Не надо меня воспитывать. Берётесь или нет?

Голос просительницы тоже дрожал, но таких людей мрачными пророчествами не проймёшь. Если что решила — любой ценой добьётся. Не колдовством соперницу в могилу сведёт, так отыщет другой способ убрать с пути препятствие. Беременная. Не понимает даже, что грех не только на свою

душу берёт, да разве станет об этом слушать? Можно и не предупреждать — только время на слова тратить.

— Сделаю всё, но до тех пор, пока жива эта деваха, тебе нельзя будет на глаза ей показываться, иначе порча по намерению к просителю вернётся.

— И что это значит?

— А то, что сама пострадаешь и заодно дитя своё погубишь, а она только поболует малость.

— Да мы работаем вместе! В одном кабинете! Я что, уволиться должна?

Миланья передвинула обратно к гостье конверт с деньгами.

— А мне, милая, без разницы, как ты это условие выполнять станешь. Я своё слово сказала. Если не согласна, никто тебя здесь не держит.

Молодая девчонка-то. Красивая. Ещё и жизни-то толком не видела, а уже в такую грязь лезет. И та, что на фото, тоже красавица — волосы чёрные до пояса выются, в карих глазах наивность детская ещё светится. Жаль их обеих. Тёмные силы никого ведь не пощадят.

— Ещё условия есть? — хмуро сдвинув светлые брови, осведомилась заказчица.

— Не условие. Совет, — уточнила Миланья. — На похороны не ходи, но в церкви свечу за упокой поставь потом и прощения попроси. Покаяться тоже не помешало бы, но это уже на твоё усмотрение. Больше для спокойствия душевно-

го, чем для пользы.

— Когда она умрёт?

— В следующее полнолуние от этого дня.

— А как?

— Да мне-то почём знать? Я лишь смерти путь укажу, а о способах костлявая передо мной не отчитывается.

— Если ваше колдовство не сработает, я вас за мошенничество засужу, — пригрозила девица.

— Для меня свой суд есть, почище мирского, — снова усмехнулась колдунья. — Да и самой-то не стыдно будет судьям в глаза смотреть, когда обвинять меня станешь? Уходи теперь и не оглядывайся. Сегодня всё сделаю, а результат получишь через пару недель, как я и сказала. Передумать возможности не будет. Моё слово крепкое.

Девица поспешно выскочила за дверь, но вернулась, потому что забыла сумочку. Не попрощалась, не поблагодарила, да Миланья никогда и не ждала этого от своих клиентов. Принимать благодарность за тёмные дела... Не по-человечески это как-то. Да и в целом в тёмной магии нет ничего человеческого. Не для добра она существует. Не для счастья людям такой дар даётся. В наказание он — за грехи отцов и матерей. В искупление за чьи-то долги. Мучает, коверкает судьбу, лишает даже самых простых радостей. Пользуешь его — больно, а не пользуешь — муки стократ сильнее. И жить невыносимо, и умереть невозможно, пока по всем долгам предков не рассчитаешься. И неправильно это вроде бы,

ведь зло только множишь, а по-другому нельзя.

Эта безвинно загубленная душа должна стать последней — Миланья так чувствовала. Месяц жизни остался. Как померёт черноволосая красавица, чей портрет лежит теперь на белой скатерти, так и страдания ведьмы закончатся. А дар тёмный... Он другую жертву найдёт. Возможно, прицепится к ребёнку, которого глупая просительница под сердцем носит. Или к её собственной душе путь отыщет. Ну или выберет для себя кого-нибудь из тех, кто прежде переступал порог дома колдуньи, прося о дурном. Прожив добрую половину века, сгубив десятки невинных душ, Миланья и сама не смогла бы сказать, почему тьма выбрала именно её. Никто этого не знает. Ни у кого нет ответа. А если бы и был, то что толку от такого знания, если все, кому можно предъявить претензии, давно мертвы?

— Полина, значит... — задумчиво произнесла ведьма, проведя пальцем по фотокарточке. — Прости, милая. Не со зла я это делаю, а потому, что устала так жить. Эгоистка я, понимаешь? За твою жизнь собственной расплачусь, не сомневайся. Последний ты для меня грех. Тяжкий, но желанный, как бы ужасно это ни звучало.

Влажный летний ветер всколыхнул штору на окне. Где-то совсем близко молния с громким треском расколола небо. В кухне перестал привычно жужжать холодильник — отключилось электричество. Но для тёмных дел оно и не нужно. Свечи из чёрного воска, волос, фото и правильные слова,

чтобы смерть отыскала путь к своей добыче — нехитрый ритуал, после которого останется только ждать собственной кончины. Родственников у Миланьи нет, но денег и времени достаточно, чтобы договориться о таких похоронах, каких она достойна. Кремация без отпевания будет в самый раз — это и символично, и честно.

Глава 1

Наши дни.

Я никогда не завидовала сестре, потому что бесплотные духи вроде меня не чувствуют боли, а на долю Алисы страданий выпало немало. Из-за того, что я умерла ещё в утробе матери, моя сестрёнка-близнец родилась с длинным перечнем диагнозов и первые месяцы своей жизни провела в больницах. Потом она тоже часто болела, поэтому не посещала детский сад и часто пропускала занятия в школе. В детстве она была такой худой, что ровесники дразнили её обидным прозвищем Швабра — из-за очень хрупкого телосложения и буйной гривы выющихся тёмно-русых волос. Алиса дралась с обидчиками, защищая свою гордость, но ни разу не выходила из этих потасовок победительницей. Родители переводили её из одной школы в другую, надеясь, что новый коллектив будет относиться к болезненной девочке по-другому, но дети везде одинаковые — даже в дорогостоящих частных гимназиях. В конце концов было принято решение в пользу семейного обучения. В нашу квартиру начали приходить репетиторы, или мама сама водила Алиску на занятия с ними, но к этому времени сестрёнка уже нажила себе множество комплексов и озлобилась на весь мир. Она не была слабо-

характерной и бесхребетной. Ранимой — да. Чувствительной, осторожной с незнакомцами, недоверчивой... Но при всём этом ей всегда доставало храбрости ответить на колкость колкостью или пустить в ход кулаки. Такой она и выросла — обиженная на всех душа, спрятанная под надёжной скорлупой самозащиты.

Ещё до получения аттестата сестра решила, что мир, который не хочет её принимать, должен лежать у её ног. Окончила одиннадцать классов, а не девять, хотя педагоги и психологи советовали ей ограничиться учёбой в колледже и не поступать в институт. На выпускных экзаменах получила высокие баллы. Поступила заочно в престижный ВУЗ и устроилась на работу в салон красоты — простой помощницей, чтобы до завершения обучения набраться опыта. Заставляла себя есть много мучного и сладкого, чтобы набрать вес. Ходила на тренировки в фитнес-клуб, чтобы этот вес не откладывался бесполезным жиром, а работал на создание идеальной фигуры. Родители не вмешивались, поскольку считали наличие у своего ребёнка самоцели очень хорошим знаком. Они не ограничивали Алису в деньгах и даже помогли ей открыть собственный небольшой салон, когда она сказала, что готова к этому.

Сейчас ей двадцать два года. Она уже не та худюшая, нескладная девчонка, над которой потешались в школе, а самая настоящая красавица — изящная, стройная, с приятными округлостями в нужных местах и роскошными тём-

ными локонами. У неё приятные черты лица, пухлые губы и очень нежная кожа. Единственное, что её портит — это холодный, всегда недоверчивый взгляд больших карих глаз. Она смотрит так на всех, даже на собственное отражение в зеркале, будто пытается отыскать в себе недостатки, требующие немедленного устранения. Летом она получит диплом, который, судя по её стараниям, непременно будет с отличием. Её салон красоты уже окупил вложения и начал приносить неплохой доход. Сейчас там трудятся шесть мастеров, но к осени Алиса планирует расширение своего бизнеса.

А я... Я все эти годы была рядом с ней — незримой, безмолвной и ни на что не способной тенью. Когда мы обе были маленькими, я не понимала, почему она часто плачет. Злилась, когда кто-то её обижал, но не могла заступиться. Была не в силах позвать родителей на помощь, когда Алиске становилось плохо. Не могла утешить, когда она рыдала в подушку и проклинала свою несчастливую судьбу. Но я всегда чувствовала за собой вину во всех её страданиях. Слышала однажды, как папа сказал маме, что нужно было последовать рекомендациям врачей и прервать ту беременность. Из-за меня Алиса родилась больной, а мама потеряла возможность иметь других детей. Сестрёнка до сих пор не знает, что нас было двое, но родители всё помнят. Папа винит маму. Мама винит себя. Алиса иногда срывается и высказывает им в глаза, что лучше бы они вообще её не рожали. Порой эти слова кажутся мне справедливыми, но чаще я горжусь своей

семьёй. Они все очень хорошие. У каждого свой характер, но ведь не сдались же. Не выбрали простой путь, а пошли сложным — он хоть и принёс немало бед и печалей, зато одну из двух жизней всё же удалось сохранить. Алиса тоже хорошая, просто она очень сильно разочаровалась в людях. Ей нужно больше времени и добрых, верных друзей.

У меня такое же образование, как у неё, ведь мы неразлучны. Самое большое расстояние, на которое я могу от неё отойти — пять шагов. Я знаю все её тайны. Знаю, о чём шепчутся за её спиной ею же нанятые в салон сотрудницы. Вижу все её ошибки и оплошности. Слышу, как родители за стеной обсуждают её решения, успехи и будущее. Мы проживаем эту жизнь вместе, но, к сожалению, не можем общаться. Нет такого способа. Я пыталась найти его или придумать, но у меня не получается двигать предметы или оставлять записки на запотевшем стекле, как это бывает в фильмах о призраках. Я вообще ничего не могу. Частенько задаюсь вопросом, почему застряла среди живых, если должна была обрести покой много лет назад ещё до появления Алисы на свет. Ответа на этот вопрос тоже нет, и я не знаю, где его искать. Принято считать, что блуждающих духов удерживает на этом свете какое-то незавершённое дело, но какие у меня могут быть дела, если я даже не родилась? Может, высшие силы решили, что я должна стать для сестры ангелом-хранителем, раз уж по моей вине её судьба получилась такой несчастной? Наверное, для меня существует какой-то определённый мо-

мент, когда я должна буду искупить перед сестрой мой тяжкий грех. Так это или нет — тоже загадка.

И всё же мы с ней разные, хоть и связаны такой непонятной, тесной связью. Алиса любит запах роз, красный цвет, осень, булочки с корицей и крепкий кофе без сахара. Мне же нравится, как пахнут сирень и пионы. Я предпочитаю все оттенки зелёного и синего, кроме пепельных. Поскольку рта у меня нет, о гастрономических предпочтениях ничего сказать не могу, но аромат корицы кажется мне слишком приторным. И я люблю лето, а не осень. Точнее, позднюю весну и начало лета, когда природа радуется взгляду молодой, сочной зеленью. Отношение к людям у нас тоже разное, но это потому, что я вижу, знаю и понимаю больше. И я, в отличие от сестры, не меркантильна, поскольку призракам деньги и престиж ни к чему.

* * *

В последние дни Алиса начала вести себя странно. Обычно она почти всё своё время посвящала салону, а по вечерам с головой погружалась в учёбу, готовясь к сдаче государственных экзаменов, но теперь сфера её интересов изменилась. Вместо текстовых лекций и обучающих видеороликов — новостные сайты. Вместо каталогов, бизнес-планов и графиков — фотографии мужчин. Раньше, когда мама ворчала о необходимости получить опыт и в отношениях с противоположным полом тоже, Алиска отвечала ей: «Мам, от-

стань. Мне не нужно надёжное мужское плечо, чтобы выжить». Теперь же она разбирала столичных женихов на критерии и по каждому пункту в длинном перечне требований давала оценку по десятибалльной шкале. Происхождение, связи, образование, прибыльность бизнеса, скорость карьерного роста, медийность, репутация... Всего таких пунктов в её таблице было сорок, а последним из них значился возраст. Сначала я подумала, что она выбирает делового партнёра, поскольку планирует вывести своё дело на иной уровень, но моя догадка оказалась ошибочной.

Этим утром сестрёнка, как всегда, поехала в салон, но по пути заехала в частный выставочный зал, принадлежащий одной из её постоянных клиенток. Там предъявила хозяйке список из шести имён и фамилий и попросила пригласить этих мужчин на благотворительный аукцион, который состоится в субботу.

— Тигрица вышла на охоту? — понимающе усмехнулась владелица зала.

— Можно сказать и так, — безразлично пожала плечами Алиса. — Это самый простой и лёгкий путь для развития бизнеса. Брачным контрактом можно предусмотреть больше, чем допускают другие документы.

— Ну да, — согласилась с ней женщина, которая регулярно приходила в салон за модной стрижкой и маникюром. — В таком случае Шевелёва можешь сразу вычеркнуть. Этот стреляный воробей на контракт точно не согласится. Был у

него уже печальный опыт, что до сих пор аукается.

— Ладно. Спасибо за информацию, — поблагодарила моя сестрёнка и без тени сожалений сократила список кандидатов в женихи на один пункт.

Я затруднялась представить, когда она успела придумать этот циничный план. Это вполне в её стиле, но ведь ничто не предвещало такое развитие событий. Жаль, что у меня нет возможности заглянуть в её мысли, иначе я была бы к этому готова. А теперь чувство вины поднялось во мне с новой силой — Алиса не ищет счастья, ей просто нужен богатый муж с личным, перспективным бизнесом в смежной сфере и с большими связями. Тот, кто обеспечит стабильный рост её дела. Тот, кем можно будет манипулировать, используя его чувства в качестве рычага давления. На Алиску многие мужики заглядываются, потому что она знает себе цену и умеет себя подать. Могла бы уже давно выйти замуж, если бы захотела, но бережёт и защищает своё сердце от разочарований, отдавая предпочтение материальному, а не духовному. Она боится быть отвергнутой, и виновата в этом я. Браки по расчёту не являются чем-то из ряда вон выходящим и предосудительным, но... Неправильно это. Нельзя так. Каждый человек имеет право на любовь и счастье, а моя сестра отказывает себе в этом. И у меня нет возможности её переубедить.

«Пусть она выберет того, кто хотя бы будет любить её по-настоящему! Пусть найдёт достойного мужчину, которому научится доверять! Господи, ну хоть раз помоги ей!»

Взывать к небесам и просить у них милости для сестрёнки — это всё, на что я способна. До сих пор ни одна из таких молитв не была услышана, но я не сдамся. Если высшие силы глухи и слепы к страданиям живого человека, то, может, обратят внимание хотя бы на мольбы мёртвого.

Глава 2

— На мой взгляд, эта помада слишком яркая. Может, попробуешь другую?

— Не попробую. Мне эта нравится. Если не прекратишь меня поучать, я от вас вообще съеду.

Мама только вздохнула тяжело — дочь не переспоришь. С тех пор, как Алиса начала зарабатывать собственные деньги, угрозы купить другую квартиру и переехать звучали всё чаще. Я-то понимала, что сестра этого не сделает, потому что боится одиночества, а родители расстраивались. Особенно папа — он к словам очень чувствительный. Наверное, Алиска в него пошла этой чертой своего характера. А упрямством — в маму.

На благотворительный аукцион они решили пойти втроём — редко выдавался общий выходной, поэтому упускать шанс провести его вместе было бы кощунством. Я весь день наблюдала за их сборами. У папы всё просто — принял душ, побрился, надел свой парадно-выходной деловой костюм, выбрал галстук. А девочкам всегда сложнее. Мама с Алисой с самого утра и до обеда прихорашивались в салоне сестры, делая причёски и устраняя очевидные изъяны своей внешности, каких было не так уж и много. Потом они открыли дверь гардеробной, поставили в гостиной высокое зеркало и начали выбирать наряды так, чтобы Бельская-старшая не за-

тмевала своей красотой младшую. Мама у нас очень красивая. Кожа у неё от природы немного смуглая, а густые чёрные волосы сами по себе шелковистые и блестящие. Выющиеся, как и у Алиски, но мамочка их подстригает, потому что устала ухаживать за длинной гривой. И выглядит она молодо для своих сорока пяти лет. Когда мать и дочь стоят рядом, их за родных сестёр можно принять, а в этот вечер сиять и привлекать к себе внимание положено только одной.

Алиса никому не рассказала о своих планах, чтобы не расстраивать. Молчала все эти дни, потихоньку и ненавязчиво наводила у посетителей салона справки о кандидатах в женихи, в результате чего перечень объектов её интереса сократился до всего трёх мужчин — одного она сочла ненадёжным, второго вычеркнула из-за склонности к авантюризму, поэтому выбор остался небольшой. Но предупредить владелицу выставочного зала о том, что этих двоих приглашать не нужно, сестра не стала — либо неудобно было, либо их присутствие на мероприятии никакой погоды не сделает.

Она, как и всегда по важным поводам, надела короткое красное платье, но в этот раз оттенок выбрала винный. Туфли в тон на высоком каблуке, модная сумочка-клатч, золотые украшения без камней и излишеств, умеренно-яркий макияж. Образ получился идеальным, и помада совершенно его не портила — просто у мамы свои предпочтения в косметике. Ну и, конечно же, маме нужно было одеться так, чтобы она выглядела на фоне дочери красивым аксессуаром,

а не гвоздём программы. Это уже сложнее. Папа даже пошутил, что ему придётся взять с собой охотничье ружьё, чтобы отгонять назойливых ухажёров от двух таких красавиц.

Мама оделась в чёрное. Всё в её вкусе, просто и без шика — брючный костюм из шифона, комплект украшений из белого золота с чёрным агатом, удобные туфельки-лодочки. Она не носит каблуки, потому что из-за них потом болят ноги и поясница. Папа тоже выбрал для себя чёрный цвет, включая рубашку, так что выглядели родители вместе просто сногшибательно. И Алиска выделялась на их фоне ярким пятном, как того и хотела.

Сестра несколько не волновалась, словно шла на эту выставку не спутника жизни для себя выбирать, а за покупками. Зато волновалась я — а вдруг она ошибётся? После свадьбы переедет жить к мужу, а там ведь никто не будет видеть, как он к ней относится. И жаловаться родителям она не станет, потому что для неё это унизительно. Да и с её характером мужчина для совместной жизни нужен предельно спокойный, неконфликтный и, желательно, по уши влюблённый, иначе они ведь драться будут.

Папа в этот субботний вечер за руль не сел, потому что предполагалось умеренное употребление спиртного. Нас отвёз в выставочный зал водитель Саша — он работает в папиной компании и время от времени оказывает нашей семье услуги личного извозчика. Алиса посещала подобные мероприятия и раньше, чтобы показать себя, завести новые

знакомства и расширить клиентскую базу, поэтому я имела приблизительное представление о том, чего можно ждать. Сначала будет невероятно скучно. Гости разбредутся по разным помещениям, станут неискренне улыбаться друг другу, сплетничать, критиковать работы художника и пить шампанское, поданное на подносах услужливым наёмным персоналом. Потом хозяйка вечера объявит о начале торгов. Все соберутся в одной зале, чтобы внести свой вклад в благотворительный фонд, организовавший выставку. Если художник или скульптор имеет известность, начальные ставки будут высокими. Если новичок — цена его работ поначалу составит пятизначное число, а потом постепенно начнёт повышаться. Через такие аукционы многие мастера зарабатывают себе имя, и в этом нет ничего предосудительного, ведь их талант в данном случае работает не только на доход и репутацию, но и на благие дела тоже. Внакладе не остаётся никто.

— А чьи работы-то сегодня пойдут с молотка? — спросил папа, когда мы уже подъезжали к конечному пункту маршрута.

— Сергея Зимнего, — ответила Алиса. — Он фотохудожник. Любитель по большому счёту, не профессионал, но взгляд на мир у него интересный.

— Это который твоему салону рекламу делал? — уточнила мама.

— Нет. Я рекламу в агентстве заказывала. С фрилансерами не работаю.

— Ну да, — усмехнулся папа. — Фрилансеры ниже нашего достоинства.

Алису это замечание зацепило.

— Да, ниже, и что? — ошетибилась она. — Если есть возможность получить гарантированное качество, зачем размещаться на дешёвку?

— Не ссорьтесь, — попросила мама.

— Любое гарантированное качество вырастает из дешёвки, — сел отец на своего любимого конька.

Мама легонько стукнула его сумочкой по голове, чтобы перестал злить Алиску. Дискуссия на этом закончилась.

Папа не поднимал своё дело с нуля, а получил компанию по наследству, но прошёл через многое, чтобы удержать бизнес на плаву. Знал взлёты и падения, трудился без устали, одного за другим обходил конкурентов, не преступая при этом закон и нормы морали. Мама когда-то была его коллегой, но после свадьбы она не работала ни дня — он полностью содержал семью, и у него это неплохо получалось. А у Алиски очень высокие запросы и большие амбиции. Она знает, что в любом случае не останется без поддержки и не будет голодать. Если не вытянет управление собственным салоном, всегда сможет начать всё сначала, потому что родители помогут финансово и советом. Она — единственная дочь и наследница семейного бизнеса. Папа возлагает на неё большие надежды. На её месте я бы умерила свою гордыню и попыталась вникнуть в тонкости дела, которым придётся руково-

дить в будущем, но она хочет идти своим путём и расстраивает этим намерением отца. Он опасается, что дочь просто продаст его компанию. Надеется, что в перспективе появится хотя бы зять, которому можно будет доверить не только своего ребёнка, но и дело тоже. Папе сорок семь. Он ещё далеко не старый, у него крепкое здоровье, но в жизни случается разное, поэтому нужна хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне, а ею пока даже не пахнет.

— Ого! Марта сегодня весь местный бомонд пригласила? — удивилась мама, выйдя из автомобиля и окинув уважительным взглядом парковку.

— Аукцион организован фондом помощи больным детям. На таких выставках всегда толпа собирается, — пояснила Алиса, поправляя юбку своего платья.

Машин на парковке и правда было много — дорогие, чистенькие, красивые. Там же стояли и авто местных СМИ. Репортёры уже суетились у входа, фотографируя гостей, снимая видеоролики и приставая ко всем с просьбой дать небольшое интервью. Всё это выглядело не совсем обычно, но объяснимо, и означало, что среди приглашённых гостей есть хотя бы один очень важный.

В такие моменты я очень сильно переживаю за сестру. Она может улыбаться на камеру и спокойно отвечать на вопросы журналистов, но при этом внутренне сжимается, будто предпочла бы спрятаться в крошечную ракушку и стать невидимой. В таком напряжённом состоянии Алиса похо-

жа на затравленного зверька, готового защищать свою жизнь любой ценой, хотя внешне это незаметно. Сдерживается, терпит, ведёт себя достойно, но я-то знаю, что её можно вывести из равновесия любым неосторожным словом. И родители об этом знают, поэтому закрыли её от репортёров собой, будто щитом, и поспешно провели в галерею.

Внутри оказалось не менее шумно, чем снаружи. Я сразу же обвела взглядом помещения, насколько это было возможно, чтобы понять, есть ли поблизости потенциальная опасность. К нам подошла Марта — хозяйка зала. Она поприветствовала Алису и родителей традиционными фразами и вкратце объяснила, где можно найти выпивку и закуски, а потом умчалась встречать других гостей.

— Я, пожалуй, выпью, — решил папа и немного ослабил узел галстука.

— Мам, смотри, там тётя Оля, — указала Алиса на мамину знакомую, беседующую с двумя другими женщинами у одной из картин.

А я смотрела на полотна, развешенные на стенах, потому что они смотрели на меня. Портреты. Детские. Чёрно-белые. Светловолосая девочка, прижимающая к себе сердитого мопсика. Угрюмый мальчик с глазами старика и букетом ромашек. Сёстры-близняшки в нарядных платьицах и огромный торт перед ними — эта заинтересовала меня особенно. Девочки выглядели счастливыми и жизнерадостными, а рядом со мной стояла моя собственная сестра-близнец, для ко-

торой я стала проклятием. Мама ушла поздороваться со знакомыми, а мы остались вдвоём — изуродованная судьбой живая душа и виновная в этом мёртвая. Почему-то в этот момент я почувствовала себя особенно виноватой перед Алисой.

Она искала взглядом тех троих, кто значился в её списке. Одного нашла быстро, но сразу же потеряла к нему интерес, потому что на его локте уже висела длинноногая, улыбчивая блондинка. Второй нашёлся в помещении с напитками и закусками — его окружили другие мужчины и что-то живо обсуждали, потягивая шампанское из высоких бокалов. А третий стоял перед портретом младенца и хмурился. Высокий, статный, холёный. Видно, что уделяет много внимания своей внешности и здоровью, но без фанатизма, поскольку не потрудился скрыть косметикой свежую ранку, оставленную на подбородке бритвой. Алиса пошла к нему, потому что другие объекты её интереса на текущий момент казались недоступными.

— Вас что-то смущает в этом портрете? — спросила она, изобразив заинтересованность в искусстве.

Он повернулся. Я, как обычно, находилась чуть позади сестры и наблюдала за происходящим из-за её плеча. Мне этот мужчина понравился сразу, ещё по фото в архиве Алиски — он хотя бы симпатичный. Сергей Валерьевич Воронцов. Двадцать девять лет. Владелец сети небольших, но престижных ювелирных салонов. Образований у него два, оба

средние: ювелирное и предпринимательское дело. Сирота. Воспитывался в приёмной семье. Учился хорошо, параллельно работал в мастерской по ремонту изделий из золота. Потом под наставничеством своего первого и единственного работодателя взял огромный кредит и по франшизе открыл первый салон. Кредиты выплачивает до сих пор, потому что стремился к большому и хотел получать доход от собственного бизнеса, но у банков нет к нему претензий — он считается надёжным клиентом. Дело теперь у него своё, не франшиза. Биография чистая, в незаконных делах замечен не был. Штрафы получает только от ГАИ за превышение скорости, но редко. Живёт один в большой квартире-студии в центре города. Вредных привычек не имеет. Дважды был в длительных романтических отношениях, но до брака дело так и не дошло. Завидный жених, надо сказать. Хмурится только постоянно, будто чем-то недоволен. Но глаза у него красивые — умные, живые, ясные. Я сначала подумала, что у них странноватый синий оттенок, но потом поняла, что это линзы. Ну а что поделаешь? Идеальных людей не бывает. Плохое зрение — не тот недостаток, из-за которого человека нужно сразу же списывать со счетов.

Сергей Валерьевич долго не отвечал на вопрос моей сестры и смотрел на неё так, будто она своим появлением бесцеремонно выдернула его из внутреннего мира в реальность. Потом он провёл рукой по своим каштановым волосам, убирая со лба чёлку, и виновато признался:

— Простите, я задумался. Вы о чём-то спросили?

Голос у него тоже приятный — густой, глубокий, бархатный. Алиса ослепительно улыбнулась и ответила:

— Можно без церемоний и на «ты». Я Алиса.

— Сергей, — прозвучало в ответ неуверенно.

— Приятно познакомиться, — улыбнулась сестра ещё шире. — Извини, если отвлекла, но ты очень уж сердито смотрел на этот портрет. С ним что-то не так?

В глазах Воронцова промелькнула тень печали. Он снова отвернулся к портрету и долго молчал, а потом снизошёл до объяснений.

— Эта выставка организована фондом помощи детям с врождёнными патологиями сердца. На фотографиях не случайные мальчики и девочки, а те, кто реально нуждается в средствах на сложные операции, лечение или реабилитацию. Этот малыш операцию не пережил. Он умер сегодня утром.

Алиса побледнела, что было заметно даже под несколькими слоями кремов и пудры.

— Умер? — переспросила она недоверчиво.

— К сожалению, да, — ответил Сергей. — Он отказник. Родители не захотели тратить время на больного ребёнка. Квоту на операцию пришлось бы ждать долго, фонд средства выделил, но деньгами, увы, не все проблемы можно решить успешно.

Дети. Больные. Ждущие помощи взрослых и выставленные на всеобщее обозрение как товар, за который толсто-

сумы будут этим вечером торговаться, чтобы потом повесить портрет такого ребёнка в своей гостиной и гордиться его приобретением. Мне такой подход к благотворительности показался слишком уж циничным. Алисе тоже, поэтому она спросила:

— А автору этих работ не стыдно продавать портреты больных детей с аукциона?

— Они не продаются, — возразил Воронцов. — Это целевая часть выставки, не коммерческая. На торги выставлены другие работы, а под этими есть таблички с QR-кодами на случай, если кто-то захочет сделать дополнительный взнос. Ты не читала анонс?

— Я-а-а... Нет, — призналась Алиса и смутилась.

Конечно, она ничего не читала об этой выставке, потому что шла сюда не ради благотворительности. Но было похоже, что не только она такая — Сергей отнёсся к её признанию совершенно спокойно.

— Ты здесь одна? — сменил он тему. — Могу показать то, что будет на аукционе, если интересно.

— Интересно, — соврала сестра, пытаясь таким образом сгладить неловкость.

На вопрос, одна ли пришла на мероприятие, Алиса не ответила, но в соседнем зале она нос к носу столкнулась с родителями — пришлось представить им своего спутника. Точнее, она представила ему маму и папу, а он свою фамилию назвал сам. После этого во взгляде отца вместо подозритель-

ности появилось уважение — наверное, наслышан о Сергее Воронцове, поэтому и успокоился так быстро.

Они ходили по галерее туда-сюда от одной картины к другой, а я чувствовала, как в Алисе с каждой минутой всё сильнее крепнет уверенность в себе и в правильности принятого решения. Она свой выбор сделала. Сергей — умный человек и интересный собеседник. Он может говорить на разные темы и легко улавливает тот момент, когда разговор становится скучным. Темы, кстати, у них были отвлечённые и от тонкостей его или её бизнеса весьма далёкие, но это и правильно — не говорить же человеку в лоб, что тебя интересуют только его деньги и связи. Прямолинейность в данном случае неуместна.

Мне Воронцов понравился. Было не очень похоже, что он заинтересовался Алисой, но вежливости и тактичности ему не занимать. Разносторонне развитый, внимательный, чуткий мужчина — если сестре удастся завоевать его любовь, я буду за неё спокойна. Вот только... Раньше как-то не думала об этом, а теперь осознала, что у отношений между мужчиной и женщиной есть ещё и интимная сторона. До сих пор Алиска ни с кем не встречалась, ни с кем не целовалась даже, но ведь она уже достаточно взрослая для гораздо большего. А мне что делать? Я же следую за ней повсюду, как приклеенная. Отвернуться — ладно, это я могу. Но у меня нет ушей, которые можно заткнуть.

С этой точки зрения перспектива замужества сестры по-

казалась мне не такой уж и радужной, поэтому всю оставшуюся часть вечера я пребывала в смятении. Даже пропустила тот момент, когда сестрёнка отвалила чуть ли не половину своего месячного дохода за фотографию площадью около квадратного метра, на которой была запечатлена стрекоза, сидящая на цветке кувшинки. И ещё я так и не поняла, чем закончилась её первая встреча с Воронцовым, но по дороге домой папа так старательно расписывал достоинства этого молодого бизнесмена, что вопрос о браке показался мне уже решённым.

А дома Алиса закрылась в своей комнате, встала перед зеркалом, самодовольно усмехнулась и сказала:

— Попался!

И мне опять стало не по себе. Ну нельзя же так! Он ведь живой человек, а не рыба на разделочной доске. И даже вроде бы хороший. Алиску родители холили и лелеяли с самого рождения, а Сергей этот даже не знает, как зовут его настоящих маму и папу. Его душа тоже ранена, пусть и другими обидами. Он не заслуживает быть просто чьей-то добычей.

«Сестрёнка, остановись! Выбери другого! Не обижай Воронцова, он ведь не менее несчастен, чем ты!»

Но она меня не слышит. Никогда не слышала. Стёрла с лица косметику, приняла душ, переоделась в домашнее, попыталась найти место на стене для купленной картины, но в итоге оставила её в углу комнаты с комментарием: «Нет, тут тебе не место. Будешь висеть в салоне».

Я представила, что она точно так же будет относиться к мужу, и мне стало совсем тоскливо. Салон — её детище, её собственность, цель её жизни и отражение всех стремлений. Всё остальное в этом мире существует лишь для того, чтобы этот бизнес процветал и уверенно шёл в гору. Даже люди. Даже такие чувствительные личности, как Сергей Воронцов, которому небезразлична боль чужих детей.

Глава 3

Алиса включила Воронцова в свои планы на обозримое будущее. Перед госэкзаменами график у неё довольно-таки напряжённый, свободного времени практически нет, поэтому сестра выделила один час в следующий четверг на «случайную» встречу и сделала соответствующую запись в своём ежедневнике. В четверг — потому что каждую неделю именно в этот день Сергей посещает детский дом. Он говорил ей об этом на выставке. Привозит сиротам материалы для творчества, проводит мастер-классы по моделированию или просто беседует как старший товарищ — для него это обязательный ритуал, который моя сестрёнка решила обернуть себе на пользу. Номерами телефонов они не обменялись, вот она и сочла, что должна проявить инициативу. В среду у неё состоялся первый экзамен. Следующий тоже будет в среду, поэтому четверг получается относительно свободным. Я понятия не имела, что творится у сестрёнки в голове, но видела, что она нисколько не нервничает, словно желанная добыча уже в её руках, а всё остальное — просто игра.

Но она просчиталась, потому что предусмотреть можно далеко не всё. Во-первых, она не знала точное время визита Воронцова в детдом. Во-вторых, он тоже занятой человек и может изменить свои планы. Да и в целом — подкарауливать кого-либо на дороге, не имея уверенности в том, что он по-

едет именно этим маршрутом, как-то странно. В итоге вместо запланированного часа Алиска потратила на ожидание всю первую половину четверга и ужасно разозлилась, словно кто-то давал ей какие-то гарантии и не сдержал обещаний. Остаток дня она провела в салоне — отругала там ни за что всех своих сотрудников, по телефону поссорилась с одним из поставщиков и из-за этой бессмысленной вспышки чуть не лишилась нескольких постоянных клиентов. А вечером ей наконец-то достало ума подойти к матери и попросить совета.

— Он тебе нравится? — спросила мама прямо.

— Можно сказать и так, — ответила ей дочь уклончиво.

— Алис, Воронцов не тот человек, с которым можно играть в «кошки-мышки». Он не прощает обид. Если у тебя интерес только к его кошельку и репутации, то можешь даже не начинать. За его обманутые ожидания платить придётся тебе, причём очень дорого. Если хочешь знать моё мнение, то держись от него подальше.

— Так хорошо его знаешь? — удивилась Алиса.

— Я знаю его мать, — заявила мама и добавила: — Родную мать, не приёмную.

— Да ладно, — не поверила сестра. — Он не знает, а ты знаешь?

— Он тоже знает.

— Получается, он мне соврал?

— А он разве тебе чем-то обязан?

Маму редко можно было увидеть такой раздражённой. Обычно она рассудительная и уравновешенная, а теперь у неё даже руки начали дрожать, словно Сергей Воронцов когда-то успел отыграться за свои обиды и на ней тоже. Наверное, она волновалась и после той выставки, просто хорошо это скрывала и ничего не сказала даже отцу. Или сказала, но нас с Алисой тогда не было рядом — я же не могу слышать, о чём родители говорят в моё отсутствие.

— Мам, в чём дело? — заволновалась и сестра тоже.

Я полагала, что мама осторожно уйдёт от ответа, но она взяла Алиску за руки, усадила рядом с собой на диван и пустилась в объяснения.

— Мне неприятно об этом говорить, но я расскажу, чтобы ты не наделала ошибок, о которых потом будешь сожалеть. Её зовут Надежда. Мы с ней когда-то были подругами и работали вместе в компании твоего отца. Там же старшим менеджером работал Валера Воронцов. Он увивался за всеми молодыми сотрудницами и считал своим долгом переспать с каждой.

— И с тобой?

— Я тогда уже с Никитой встречалась и не отвечала на другие ухаживания взаимностью, но это только добавляло Воронцову азарта. А Надя ревновала. Начала меня подставлять, сплетничала, создавала проблемы.

— А ты папе об этом говорила? Он же мог её просто уволить.

— Не говорила, потому что у компании были трудные времена. Твой папа от многих людей зависел, включая Надинных и Воронцова родителей. Он не мог уволить ни этого кота мартовского, ни Надьку. Ему и так головной боли хватало. Ночами не спал, куда ещё мне со своими жалобами лезть? К тому же мы уже договорились с ним, что я буду работать только до свадьбы. Месяц оставался, смысла не было устраивать личный скандал.

— Но ты же уже тогда мной беременна была. Вредно было нервничать.

— Об этом я твоему отцу тоже не говорила.

— Почему?

— Потому что врачи не давали гарантию, что я смогу тебя выносить.

— То есть ты берегла папину нервную систему, жертвуя своей, — подытожила сестра, недовольно морщась.

— Когда полюбишь кого-нибудь искренне, поймёшь, что ради него никакие жертвы не страшны, — ответила мама с нотками обиды.

— Ну да. А то, что твои жертвы в конце концов на моём здоровье сказались, тебе было без разницы.

Мама надолго замолчала. Было похоже, что она не хочет продолжать этот разговор. Алиса всегда сводит всё к собственным обидам, поэтому с ней сложно общаться на болезненные темы. Но продолжение всё-таки прозвучало.

— Мы перенесли дату свадьбы из-за смерти твоего де-

душки. Надя залетела от Воронцова и начала открыто меня преследовать, потому что он продолжал оказывать мне знаки внимания, а ей сказал сделать аборт. Никита тогда уже знал, что у меня под сердцем есть ты, а я хотела доработать до законного декретного отпуска. Алис, я не пытаюсь перед тобой оправдаться, а просто хочу, чтобы ты усвоила, что обстоятельства часто бывают сильнее людских желаний и решений. У нас были причины молчать, иметь друг от друга тайны и ничего не предпринимать. Если бы ты умела слушать окружающих, а не только себя, то давно поняла бы, что в этом мире безвозмездно можно получить только проблемы.

— Будем считать, что я поняла, — увела Алиса разговор в сторону от нравоучений. — Так что там с Воронцовым-то? Какое отношение он вообще имеет к вашим с папой проблемам, если тогда ещё даже не родился?

— Валера на мотоцикле разбился. Повредил позвоночник, стал калекой. Надя воспользовалась случаем и напела его родителям, что носит единственного наследника. Они организовали свадьбу, но их сын до неё не дожил.

— Почему?

— Потому что не захотел. А Надька закатила в офисе истерику и заявила, что это я в его смерти виновата. Приворожила, прокляла, порчу навела и всё такое. Орала, что сдохнуть должна была я, а не он.

— Она больная что ли?

— Не знаю, насколько она была больная, но твой папа её

всё-таки уволил, чем нажил себе врагов, а ему и так было несладко. Ещё и я в больницу загремела с угрозой выкидыша. Перенервничала тогда сильно.

— А потом?

— А потом Надежда начала пить. Поссорилась с родителями Валеры, ушла от них, бродила от притона к притону, родила Сергея на квартире у какого-то собутыльника и выбросила ребёнка в мусорный контейнер.

— Чего?! — обалдела Алиса от таких новостей.

Я тоже была в шоке. Вот это мамаша! Бывает и похуже, конечно, но то истории о незнакомцах, а теперь-то речь шла о человеке, которого я знаю.

— Его едва живого нашли, чудом выходили, — продолжила мама эту печальную историю. — Было следствие. Надежду лишили родительских прав и посадили, но в колонии у неё действительно съехала крыша.

— То есть она в психушке сейчас? — уточнила Алиса.

— Нет. Она умерла два года назад. Палёной водкой отравилась.

— Ужас, — искренне заявила Алиска. — А почему Сергей в приёмной семье воспитывался? Есть же бабушки и дедушки.

— Я не знаю, Алис. Честно. Это вообще не моё дело. Точнее, было не моим, пока ты не положила глаз на Воронцова. Я против ваших отношений. Надькины родители твоему папе немало крови испортили, да и она тоже не была подарком.

С таким наследством в генах...

— Так дело в генах или в том, что Воронцовы папе проблемы создавали? — подозрительно сощурилась сестрёнка. — Мам, не надо ваши головные боли на меня перекладывать, ладно? Папа не считает Сергея чудовищем, которого нужно стороной обходить. Даже наоборот — вон какие хвалебные оды ему пел. Если бы имел на него зуб, стал бы так себя вести?

— Твой папа в некоторых вещах непростительно беспечный, — ответила ей мама. — А я боюсь, понимаешь? Если в двух поколениях семьи были волки, то и в третьем родится волчонок. Ты у меня одна, Алис. Самое дорогое и ценное, что есть в моей жизни. Я знаю, что Сергей встречался с матерью, когда вырос, но не могу представить, что она ему говорила. А если он мстить нам за неё станет через тебя?

— Ну ты уж определись, — усмехнулась Алиса. — То говоришь, что с корыстными намерениями на него зариться нельзя, то я вообще должна держаться от него подальше. Мне он гадом не показался.

— А у людей на лицах не написано, гады они или нет, — возразила мама. — Мало что ли нормальных мужиков вокруг? Чего ты в этого вцепилась? Если не чувства ищешь, а выгоду, то мы с отцом тебе целый полк женихов подгоним, только намекни.

— Нет уж, — отказалась сестра. — Со своей личной жизнью я как-нибудь сама разберусь. Но за информацию спаси-

бо. Теперь хотя бы буду знать, что Бельские с Воронцовыми в контрах. Брак во имя примирения династий... А что? Классная идея!

— Алиса!

Но Алиса её уже не слушала — в голове моей сестрички начал зреть новый план, а в такие моменты до неё достучаться невозможно. Откровения на этом себя исчерпали, но мама потом долго плакала. Молча. Позже, когда отец вернулся с работы, она попыталась уговорить его вправить Алиске мозги, но он сказал, что Сергей Воронцов — самостоятельная личность, не обязанная отвечать по долгам отцов и дедов. Да и Алисе палец в рот не клади — она себя в обиду ни за что не даст. А ещё позже сестрёнка сама подошла к папе и прямо спросила, чем ему насолили Воронцовы.

— Они просто вывели из нашей фирмы все свои активы, когда мы в них очень сильно нуждались, — ответил ей папа. — Потаповы, если честно, навредили больше, но я считаю это полезным опытом и ни на кого зла не держу.

— А почему Серёжу никто из них из детдома не забрал? — повторила Алиса тот же вопрос, который до этого задавала маме.

— Воронцов-старший всю жизнь подкаблучником был. Он забрал бы, но его жена больного ребёнка, рождённого безумной алкоголичкой, признавать внуком отказалась.

— Больного?

— Да. Сергей родился полуслепым и с пороком сердца.

Перенёс несколько операций, мотор ему починили, но со зрением у парня проблемы. Он дальтоник. Всё красное видит чёрным. Не помню, как это по-научному называется.

— Но он же водит машину. Разве с такой формой дальтонизма права выдают?

— Я бизнесмен, а не врач, — заявил отец. — Если хочешь знать подробности, спроси у него сама. Он и с украшениями успешно работает, хотя рубины красные.

— Ясно, — кивнула Алиса, недовольно поджав губы. — А эти, которые Потаповы, тоже из-за болезней от него отказались?

— Нет. Мать Надежды была неходячим инвалидом, а отец по молодости судимость схлопотал. Бизнесу это несколько не мешало, но опека им отказала.

— А других родственников нет?

— Алис, вопросы нужно задавать адресно, если хочешь получить на них достоверные ответы. Могу пригласить Серёжу к нам на ужин, раз уж ты так им интересуешься.

— Мама будет против, так что не надо, — отказалась сестра.

Но при этом она попросила папу ненавязчиво организовать встречу с Воронцовым где-нибудь за пределами маминного личного пространства. Мне это показалось неправильным, потому что из-за Алискиных желаний в семье мог случиться конфликт. Мама нервничает. Если папа пойдёт на поводу у дочери вразрез с мнением жены, они же в итоге по-

ссорятся. Но Алиса всегда так поступала — если один из родителей отказывал, она шла с просьбами к другому, и плевать ей было на последствия.

Папа сказал, что устроит банкет в честь окончания Алисой учёбы и пригласит на этот праздник Воронцова. На том и порешили. Всё вроде бы улеглось и успокоилось, но мне было не по себе. Впервые, наверное, за всё время своего существования я поймала себя на мысли о том, что во многих своих бедах моя сестра виновата сама. Она смотрит на людей, как на вещи, предназначенные исключительно для удовлетворения её желаний и потребностей. Хамит маме, бессовестно пользуется папиной добротой, ни во что не ставит посторонних. Слово «нельзя» имеет для неё вес лишь тогда, когда она сама его произносит. Во всех остальных случаях ей всё можно. Она не хочет понимать, что своими намерениями просто искалечит жизнь Сергея Воронцова ещё сильнее. Для неё это всего лишь сделка, условия которой будут предусмотрены в брачном контракте. Захомутировать, окрутить, влюбить в себя, пользоваться, пока есть эта польза, а что потом? Разведётся и забудет без оглядки на его чувства?

Успокоила себя тем, что видела Воронцова всего один раз и не знаю, насколько он на самом деле хороший. Может, он такой же, как Алиса — холодный, расчётливый и бессердечный. Удары судьбы ведь способны не только закалять характер, но и менять его не в лучшую сторону. А благотворительностью удобно заниматься напоказ, потому что это полезно

для репутации. Мама считает, что Сергей способен на месть, а её мнению о людях я доверяю больше, чем какому-либо другому. Возможно, всё не так уж и плохо. Встретится сестрёнка с ним ещё несколько раз, обломает зубы и поищет себе мужа попроще. Это было бы лучшим исходом, потому что напряжение в семье из-за Воронцова, который нам пока ещё вообще никто, началось как-то уж слишком рано.

Глава 4

Она любит всё красное, а он не воспринимает этот цвет — кажется, сама судьба против того, чтобы они были вместе. Алиса изменила своим предпочтениям, что делает крайне редко, и попросила оформить зал для вечеринки в чёрно-золотых тонах. Платье тоже надела чёрное. И туфли. Она даже потратила полчаса на изучение в Интернете информации о дальтонизме и причинах его проявления. Выяснила, что эта патология преимущественно наследственная и не лечится, а только корректируется, после чего сердито проворчала: «Да хоть вообще слепой, мне без разницы».

А Воронцов на её праздник не пришёл. Гостей и подарков было много, мама хвасталась всем Алискиным красным дипломом, папа гордо выпячивал грудь, а сестрёнка искала взглядом в толпе того единственного, кого уже видела в мечтах своим мужем. Когда гости начали расходиться, она решительно подошла к отцу и зло спросила:

— Пап, ты Воронцова приглашал?

— Угу, — кивнул изрядно подвыпивший родитель.

— Как? Лично?

— Ну да. Позвонил ему и пригласил.

— А как ты это сделал? Что сказал?

— Да правду я ему сказал самую что ни на есть. Чего ты волнуешься-то? Не пришёл сегодня, так в другой раз придёт,

— проямлил папа, пошатываясь.

— Какую правду, пап? — закипела Алиска.

— Ну-у-у... Ты семейным бизнесом не инетесесу... В общем, до фонаря тебе наш бизнес, поэтому мне нужен башковитый зять. Вот. Так и сказал.

У Алисы от возмущения перехватило дыхание. Щёки стали пунцовыми, глаза недобро заблестели, кулаки сжались. К счастью, в тот момент мама как раз провожала последних гостей, поэтому никто, кроме обслуживающего персонала не слышал, как моя сестра оскорбляет любящего отца. Мама пришла в ужас. Позвонила Саше и попросила, чтобы он помог довести своего работодателя до машины. Ссора продолжилась и в автомобиле тоже. И дома, но там уже лопнуло терпение у мамы. Такого скандала в нашей семье никогда не было. Алиса заявила, что ей это всё надоело. Переоделась, побросала в чемодан кое-какие вещи, взяла ключи от своего авто и вознамерилась уехать с ночёвкой в салон. Она тоже пила на празднике, но мама не смогла её остановить.

Не могу припомнить, чтобы мне когда-нибудь ещё было настолько страшно за сестру. Она не обращала внимания на светофоры, знаки и разметку. Бортовой компьютер показывал скорость выше ста километров в час. Нам сигналили со всех сторон, а потом появились преследователи — машина ДПС с мигалками. Несколько раз прозвучало требование остановиться, но Алиса будто сошла с ума — дико хохотала и продолжала давить на педаль газа. В конце концов она не

справилась с управлением. Автомобиль вылетел с дороги на газон, несколько раз перевернулся и врезался в дерево, растущее возле тротуара. Сестра не двигалась и только тихо застонала, когда сдулась подушка безопасности.

— Надо же, какая живучая, — прозвучало рядом со мной.

Я стояла возле разбитого автомобиля и в ужасе смотрела на свою пострадавшую сестрёнку со стороны водительской двери. Сотрудники ГАИ ещё не подъехали, а случайных прохожих в этот поздний час на улице не было. Повернулась и увидела женщину в чёрном кружевном платке — на вид ей можно было дать около пятидесяти лет, но волосы при этом выглядели совершенно седыми. Я даже не сразу поняла, что она тоже призрак, пока её неприятный взгляд не остановился на мне и не прозвучало:

— Что смотришь? Мертвецов никогда не видела?

— Вы со мной разговариваете? — спросила я осторожно.

— Ну не с ней же, — кивнула моя собеседница в направлении перевернутой машины. — Как же с вами тремя всё сложно-то. Связалась на свою голову. Если б знала, что так будет, лучше б наказание за отказ приняла.

— С нами тремя? О чём вы? — переспросила я и немного успокоилась, потому что увидела живых людей, спешащих на помощь Алиске.

— Да о том, что не померёте вы никак, — услышала в ответ. — К тебе-то претензий нет, на тебя слово моё сразу подействовало, а вот маманька твоя да сестрица...

— Ваше слово?

— Так и будешь повторять за мной всё, как попугай? Да, моё слово. Ведьма я. Из тёмных. Миланьей кличут. Заказ на порчу для вашей мамки приняла, а не знала, что она двойню носит. У таких хранитель сильный, вот глаза мне и отвёл. Потому и померла только ты. Я надеялась, что и мать с сестрой на тот свет утянешь, ан нет, не вышло. Вот и маюсь теперь ни жива, ни мертва, а сделать ничего больше не могу. Ждать приходится, пока костлявая вас всех не заберёт.

— Чего ждать? — уточнила я, втайне надеясь, что это всё происходит не по-настоящему.

— Мук адовых, — ответила Миланья. — Тебе самой-то не надоело ещё духом неприкаянным вот так вот за сестрой повсюду таскаться? Покоя не хочется?

— Хочется, — неуверенно призналась я и добавила: — Наверное.

— Во-о-от, — протянула она. — Мёртвым не место среди живых, потому и маятно, а вы держите меня и не отпустите никак.

— Мы? Держим?

Вокруг нас, сквозь нас, между нами — повсюду суетились люди. Кто-то вызвал скорую помощь, которая по счастью оказалась неподалёку. Мигали красные и синие спецсигналы. Невесть откуда сбежавшиеся зеваки шумно галдели, сочувствуя Алиске. Один из сотрудников ДПС рылся в её сумочке — изучал документы и одновременно пытался

дозвониться кому-то по телефону.

— Жаль, что жива осталась. Одной меньше было бы, — проворчала ведьма, наблюдая за тем, как мою сестру бережно укладывают на носилки.

— Для вас вообще ничего человеческого не существует что ли? — возмутилась я.

— А я никогда и не жила по-человечески, — услышала в ответ. — Страдала только. Ладно, потерплю ещё, чего уж там. Сестрица твоя с таким-то характером всё равно долго не проживёт, а мать от горя зачахнет. Тогда и мне легче станет.

Для меня было дико слышать такое. Да и вообще всё казалось каким-то нереальным. Я знала, что существуют и другие призраки, много раз их видела, но до этой ночи ни с одним не общалась. Хотела спросить, как эта Миланья может меня видеть, если я невидимая, но она заговорила раньше.

— На первое летнее полнолуние смерть за Полиной прийти должна была, но я тебя только сгубила и сама померла. Каждый год надеюсь, что в такой же день всё и закончится, а оно всё никак. Ты уж прости, что всё так вышло. Знаю я, что тяжело тебе, что лучше б ты сразу... И о том, что вину за собой в бедах сестры чувствуешь, тоже знаю, но это моя вина, не твоя. Как ваши две души по связи близнецовой вместе соберутся меж жизнью и смертью, так вам двоим покой и настанет. По-другому никак нельзя теперь. Только терпеть. У тёмных сил свои правила, их не обойти.

— Порчу на маму навести Надя Потапова просила? — до-

гадалась я.

— А я не спрашивала, как её зовут. Не по правилам это, — услышала в ответ. — Светленькая она была. Молодая, глупая, злая. Судом мне угрожала, если порча не сработает. А что мне тот суд? Для меня от рождения приговор имелся, так что никакие суды не страшны были. И предупреждала я её, что зло такое может и ей, и ребёнку аукнуться, что она под сердцем носила, да некоторым людям о последствиях говорить бесполезно. А оно не просто аукнулось, а раскололось на части и от мамки твоей отскочило. Тебя сильно зацепило и парня того, ради которого это всё затевалось.

Я сразу поняла, что речь о Валере Воронцове, поэтому спросила:

— Он тоже теперь призрак?

— Был призраком, — внесла поправку моя собеседница. — Зол он был очень на дурочку ту, потому и задержался на этом свете. С ума её свёл, а потом к себе прибрал и успокоился.

— А так можно? — удивилась я. — Нас ведь никто не видит и не слышит.

— В обычные дни так и есть, а в особенные по-другому, — ответила Миланья. — В особенные дни многое можно, но у каждого свои пределы.

— А какой у меня особенный день? — заинтересовалась я.

— Да в какой лунный день померла, тот и особенный.

Для тебя это полнолуние. Любое, наверное, но первое летнее больше возможностей даст. Пробовать надо.

— Что пробовать?

Она посмотрела на меня снисходительно и исчезла. А я осталась единственным призраком на месте аварии и вдруг осознала, что карета скорой помощи мою сестрёнку уже увезла. В небе над городом в этот час светила полная луна — первая летняя. По всему выходило, что наша с Алиской связь ослабла, но я не была уверена в том, что причина кроется в фазе луны. Сестра без сознания — может, поэтому я получила относительную свободу. И сразу же стало неуютно, ведь я привыкла к тому, что Алиса всегда рядом и у меня на виду. Ей больно и плохо, а я беззаботно болтала с призраком ведьмы, сломавшей своим колдовством столько судеб — неправильно это. В существовании ведьм и магии я никогда не сомневалась. Если есть призраки, то реальными могут оказаться и другие фантастические вещи. Станным было то, что разговор с незнакомкой оказался для меня важнее состояния сестры. Зато хотя бы стало понятно, по чьей именно вине я умерла. Если бы могла плакать — заплакала бы. Очень неприятно было осознавать, что в этом мире есть настолько жестокие и по-настоящему бессердечные люди вроде Нади Потаповой или ведьмы Миланьи. Для них важны только они сами. А что самое страшное — Алиска сейчас ведёт себя точно так же.

Подумав о сестре, я мысленно потянулась к ней. Наша

связь будто почувствовала это — напряглась, стала ощутимой. Можно было просто отдаться в её власть и быстро оказаться там, где всегда было моё место, но я воспротивилась, потому что внезапно осознала — во всей этой запутанной истории с магией, злодеями и смертями есть одна огромная нестыковка длиной в семь лет. Сергею Воронцову, на которого Алиса положила глаз и с которым встречалась на выставке, сейчас двадцать девять. В декабре ему исполнится тридцать. А тот, которого родила полоумная Надежда, должен быть на несколько месяцев младше нас с Алисой. Это ведь совершенно разные люди! Сергеев Воронцовых два, а не один! Очень странно, что сестрёнка с её расчётливостью и скрупулёзностью упустила из внимания данный факт, когда слушала откровения мамы. И папа тоже почему-то запутался. Так разве бывает? Снова какая-то магия? И спросить-то не у кого, потому что мёртвая ведьма Миланья куда-то испарилась, а поговорить по душам мне больше не с кем.

Я поддалась не влиянию сестринской связи, а сиюминутному порыву. Раз уж есть хотя бы временная свобода, то почему бы ею не воспользоваться? Поплыла незримым сгустком сознания к жилищу Воронцова — Алиса знает его домашний адрес, поэтому я тоже знаю. К тому же сестрёнка пару дней назад специально проезжала мимо его дома, где находится та самая квартира-студия. Это совсем недалеко от места аварии. Приметная высотка-новостройка, шестнадцатый этаж, квартира номер... Вот она! Не ошибёшься, пото-

му что все стены в просторном жилом помещении, визуаль-но разделённом на функциональные зоны, сплошь увешаны большими чёрно-белыми фотографиями, многие из которых были выставлены тогда в галерее Марты. Нужно быть ли-бо полным психом, чтобы окружать себя таким количеством изображений больных детей, либо автором этих работ. Ну или существует ещё и третий вариант, который станет для меня очередным сюрпризом.

Высокое окно не было закрыто шторой, поэтому яркий свет полной луны свободно лился на мебель, на стены, на матовый пол и на постель, на которой спал, закинув руки за голову, Сергей Воронцов. Кондиционер работал, но мужчи-на всё равно сбросил с себя тонкую простыню, а на его лице и груди блестели капельки пота. Я подобралась ближе, пото-му что хотела получше разглядеть его грудь — если в детстве он перенёс несколько операций на сердце, как сказал папа, то должны были остаться шрамы. Но их нет. Точнее, есть всего один, но он расположен на правой ключице — грубый, некрасивый рубец, полученный явно не в раннем детстве.

— Алиса?

Рука Воронцова покинула своё место под затылком и по-тянулась к светильнику на тумбочке.

Я метнулась в сторону от кровати. Сергей включил лампу, сел и хмуро уставился на то место, где я находилась раньше. Позвала его тихонько по имени — не отреагировал никак. Медленно переместилась — никакой реакции. Он тоже не

видит меня и не слышит, как и все живые. Даже в полнолуние. Даже в то самое, которое первое летнее.

Продолжая хмуриться, Воронцов встал с постели и сходил в туалет, после чего включил в кухонной зоне электрический чайник и встал перед окном, скрестив руки на груди. Он мускулистый — без фанатизма, но видно, что нагрузки на мышцы даёт регулярные и немалые. На спине тоже есть шрам — длинный, наискось пересекающий поясницу и уходящий под резинку нижнего белья. И на лопатке — круглый, слегка рассечённый, характерный для пулевых ранений. Я такие раньше только в фильмах видела.

На письменном столе рядом с выключенным компьютером завибрировал смартфон. Экранчик высветил имя — Коля Соловей. Сергей ответил на звонок и включил громкую связь.

— Не спишь? — прозвучало из динамика.

— Ты в два часа ночи звонишь мне только ради того, чтобы спросить, сплю я или нет? — сердито осведомился Воронцов своим приятным бархатным голосом.

— Не, я по делу, — ответил его собеседник. — Тут к нам в травму Алису Бельскую привезли. Ну ту, кудрявую, которая к тебе на выставке клеилась.

Сергей нахмурился ещё сильнее.

— Что с ней?

— Покаталась с ветерком. Тачка в хлам, а на ней ни царапины. Пару ногтей только сломала и испугалась сильно.

Ревёт теперь в три ручья. Внешних повреждений нет, а на внутренние будет обследоваться.

— Трезвая?

— Уже да, но с перегарчиком. Прав точно лишат. Матери её позвонили уже, ждём пришествия.

— Ясно. Спасибо за информацию. Что-то ещё?

— Ага. У Ромки днюха завтра. Приедешь?

— Не знаю. Постараюсь.

— Тогда к семи в «Альбатрос». Ладно, я погнал работать. До встречи!

Диалог завершился. Воронцов привычным жестом откинул пальцами волосы со лба и надолго умолк, будто что-то обдумывал. Потом взял телефон со стола, нашёл нужный контакт в списке и позвонил.

— Лука, привет. Извини, что разбудил, но это срочно.

— А у тебя по-другому и не бывает, — едва слышно прозвучало в ответ. — Опять видения?

— Да. Я только что видел в своей квартире знакомую девушку, а через несколько минут узнал, что она попала в аварию.

Его собеседник тихо присвистнул и уточнил:

— Жива?

— Да.

— Тогда и правда странно. Лекарства регулярно принимаешь?

— Да всё я принимаю, режим соблюдаю и сплю без задних

ног. Нормально всё было, а теперь вот снова началось.

— Ладно, приезжай. Посмотрим, что там опять в твоей башке перемкнуло, — решил человек на другом конце связи.

Судя по голосу, собеседник Воронцова уже в возрасте. Врач? У Сергея проблемы с психикой? Наверное, да, если на видения жалуется и лекарства пьёт. Я вознамерилась последовать за ним, чтобы узнать больше, но именно в этот момент наша с Алисой незримая связь стала особенно ощутимой и напряжённой. Наверное, я уже исчерпала свои возможности. Миланья сказала, что у каждого свой предел. Или фаза полнолуния подходит к завершению — я ведь не знаю всех этих правил и законов. И про лунные циклы мне тоже мало что известно, ведь сестра ими никогда не интересовалась. Пришлось отказаться от продолжения этой познавательной и первой для меня прогулки. Пора возвращаться к сестрёнке. Жаль, что свободы мне дано так мало, но это ведь не в последний раз. Полнолуние бывает каждый месяц. Попробую снова, потому что теперь осведомлена о такой лазейке.

А ведь я могла пользоваться этой кратковременной свободой и раньше, просто никогда не пыталась. Думала, что мы с Алисой связаны неразрывно, навечно и очень коротким поводком. Проводила рядом с ней все те дни и ночи, которые могли принадлежать только мне. За двадцать два года сколько их было? Много. И почему Миланья не появилась раньше? Почему показалась на глаза и повинулась в своих зло-

деяниях только сейчас? Наверное, для неё тоже существует тот предел, который отнимает больше, чем даёт.

«Надо её найти. Я могу с ней общаться. Она многое может объяснить и подсказать», — решила я и исчезла из квартиры Воронцова раньше, чем ушёл он сам.

Глава 5

Призраки не спят, иначе я предпочла бы считать произошедшее просто дурным сном. Всё, что было привычным и казалось неизблемым, вдруг изменилось. Прошлое пришло в настоящее и сделало неопределённым будущее. Ещё буквально вчера я готова была мириться с любыми выходками сестры и всё ей прощать, потому что винила себя в её несчастьях. А теперь? Я не умерла — меня убили. Отменяет ли это мою вину за испорченное здоровье Алисы? Если уж и искать виноватых, то всё указывает на Надежду, которой хватило ума и смелости обратиться к ведьме, чтобы погубить нашу с Алиской маму. Миланья тоже постаралась. Сама ведь сказала, что могла отказаться. Не знаю, какое ведьмам за это наказание положено, но... Три жизни! Три! А она ещё и недовольна тем, что оборвать получилось только одну. Она и Надежда — вот корень зла. Они вредили осознанно и целенаправленно, а я никаких решений не принимала. Значит, я ни в чём не виновата? Или моя доля вины в бедах сестры всё же есть? Я никогда не желала ей зла. И я тоже начала своё существование не с багажом знаний и жизненного опыта. Как и Алиска, я была маленьким ребёнком, пусть и призрачным. Мне никто ничего не объяснял. Меня никто ничему не учил. А теперь из ниоткуда появилась мёртвая ведьма с намёками на то, что пора бы мне уже прихватить с собой сестричку и

упокоиться с миром.

Было похоже, что именно этого Миланья всегда и добивалась. Не показывалась на глаза раньше, но наблюдала за нами и выжидала удобного момента. Я сама дала ей повод думать, что готова исчезнуть — своим смятением, в котором пребывала от мыслей об интимной стороне супружеских отношений. Я стану лишней. Мне будет неловко подглядывать за сестрой, а избежать этого я не смогу. И именно сейчас, когда речь зашла о браке Алисы, появилась Миланья. Не в детстве, когда я просто испугалась бы и не стала её слушать, а именно теперь. Спросила, не надоело ли мне скитаться бесплотным, никому не нужным духом. Рассказала о том, что в полнолуния у меня есть больше свободы, чем в обычные дни. И даже не постеснялась прямо заявить, что покой для меня возможен только после смерти сестры. Ей нужно, чтобы Алиса и мама тоже умерли — она этого несколько не скрывает. И о том мне поведала, что Валера Воронцов, будучи призраком, сжил со свету свою нежеланную жену — не для того ли, чтобы я поступила так же со своей сестрой? С чего она вообще взяла, что я этого захочу? Другим призракам настолько не терпится упокоиться, что они даже близких не щадят? Я не такая. Я вредить Алиске точно не стану, даже если и могу.

Снова встречаться с Миланьей после таких мыслей как-то расхотелось. Она ведь не единственная, кто меня видит. Есть ещё один человек — живой, настоящий, не обременённый желанием побыстрее отправиться на тот свет. Он видел ме-

ня лишь пару мгновений, но ведь узнал же! Назвал Алисой, ну и что? Мы с ней близнецы. Значит, можем быть похожими внешне. Я сама себя, к сожалению, не вижу, иначе могла бы опровергнуть или подтвердить это суждение. А Воронцов увидел — в лунном свете. Счёл это галлюцинацией, правда, но если я была не первым таким его видением, то, получается, что он в принципе может видеть призраков. Можно попытаться снова — в следующее полнолуние. Вот только есть сомнения относительно условий такой встречи, ведь если Воронцов снова включит свет, то я для него с большой долей вероятности опять исчезну. И, конечно же, не мешало бы выяснить, что ещё я могу, кроме как пугать по ночам нормальных людей. На это нужно время, но вариантов всё равно нет. Не имея возможности общаться, я всё равно ничего не добьюсь.

— Алиса, ну как же так? Что на тебя нашло? — отвлёк меня от размышлений мамин голос.

Когда я вернулась к сестре, мама уже была здесь — сидела на стуле рядом с больничной кроватью и плакала. Она очень сильно испугалась.

— Мам, я не знаю, — смущённо произнесла Алиса, пребывающая под действием успокоительных лекарств. — Сама не понимаю, почему это сделала. Я боюсь умереть. Никогда и в мыслях не было вредить себе.

— Ты же не очень много выпила.

— Ну да. Да я почти трезвая была. И с вами ссориться то-

же не хотела, а потом вдруг как накрыло... Мне тоже страшно, мам. А вдруг я ненормальная? Может, попросить, чтобы мне консультацию психиатра назначили?

Словосочетание «я ненормальная» из уст моей сестрёнки звучало неуместно. Она слишком долго работала над собой, чтобы сказать подобное. Должно быть, ей и правда очень страшно, если из-под брони уверенности в себе снова высунул голову прежний закомплексованный ребёнок. Алиса, которую я знала, не стала бы жаловаться маме на свои тревоги, а позвонила бы своему психологу и поделилась печалью с ним.

— Попроси, если считаешь, что это необходимо, — согласилась мама.

— Меня теперь прав лишат, — досадливо морщась, произнесла сестра.

— Господи! Да скажи спасибо, что сама жива осталась и никого не покалечила! — всплеснула руками мамочка. — О правах она переживает!

— Кому сказать? — сонно проворчала Алиска и сразу же задала следующий вопрос: — Папа знает?

— Папа твой спит без задних ног. Утром с похмелья проснётся, будет ему сюрприз.

— Да уж, — согласилась сестра. — Мам, я спать хочу. Не сиди тут, со мной нормально всё. Обследуют и выпишут через пару дней. Иди домой. Я позвоню завтра, когда какие-нибудь новости будут. С утра, наверное, гаишники придут с во-

просами.

— Скажи им, что голова закружилась, поэтому ты потеряла управление, — посоветовала мама. — Можно детскую карточку поднять, там объяснений много найдётся.

Ну да. Среди детских Алискиных заболеваний обязательно должно найтись такое, которое объяснит, почему она пьяная села за руль. Остальное влияет только на размер штрафа, поскольку обошлось без жертв. Оставить при себе водительские права мой сестрёнке теперь ни один диагноз не поможет, но родители точно задействуют все свои связи, чтобы этого избежать.

Мама ушла, а я поймала себя на злорадной мысли — пожелала, чтобы инспектора им попались несговорчивые и неподкупные. По-другому ведь Алиса нормально себя вести не научится. Я тоже не знаю, что на неё нашло этой ночью, но если спустить ей с рук такое происшествие, то дальше будет только хуже. В безнаказанности ничего хорошего нет, потому что она ничему не учит. К тому же сестра несколько не пострадала. Для неё, можно считать, это всё было захватывающе-опасным приключением. А если ей понравится?

Мне тоже захотелось уйти, но куда? Я попыталась — связь держит не так крепко, как обычно, можно погулять по больничным коридорам и палатам, а какой в этом смысл? Всё равно назад тянет с каждой минутой всё сильнее. Практически ничего не зная о лунных фазах и циклах, предположила, что полнолуние как таковое не длится один или несколько

дней, а занимает краткий миг, до которого луна прибывает, а потом постепенно начинает убывать. Она же по орбите движется и не застывает надолго на одном месте, правильно? Так и мои возможности — когда-то у них есть пик, но я не знаю, сколько времени до и после него мне дана относительная свобода.

Проще говоря, я осталась в палате — в платной одноместной, потому что другая не положена Алисе Бельской по статусу. Сестра и правда заснула, а я раз за разом прокручивала в своих мыслях события этой ночи, строила догадки и делала выводы, пока на тумбочке у кровати не завибрировал Алискин телефон — кто-то прислал сообщение. Зная, что экран погаснет через несколько секунд, я метнулась в том направлении. Успела. Сообщение от Воронцова — с номера, который сестра списала с визитки. «Ты в порядке?» — всего один простой вопрос, а от него повеяло знакомым мне чувством вины. Сергей не пришёл на вечеринку, но мог навести справки и через обслуживающий персонал узнать о некрасивой семейной сцене — не в безлюдной же пустыне мы находились. Официанты и уборщицы видели начало Алискиной истерики.

Я снова задумалась. Воронцов и Алиса не близки. Они встречались лишь однажды. Неужели моя сестра показалась ему интересной? Всерьёз зацепила? Что он вообще за человек? Зачем притворяется другим Сергеем Воронцовым — тем, настоящим, которого беспутная мать выбросила в му-

сорный бак? Какие цели преследует? Обидно, что я не могу узнать о нём больше. А если бы и узнала, то что смогла бы сделать? Допустим, он злодей — что дальше? Как я сообщу об этом сестре? А если он ангел во плоти, то как я предупреджу его о том, что Алиса движима меркантильными интересами, а не чувствами? Да и имею ли я вообще право вмешиваться в их личные дела и судьбы? Для меня Воронцов тоже никто. С чего бы мне о нём беспокоиться? И стал бы хороший человек выдавать себя за другого?

Попыталась поискать в фактах тот момент, где именно могла возникнуть путаница, но в итоге только запуталась сама. Есть Сергей Валерьевич Воронцов, которому двадцать девять лет и который владеет сетью ювелирных салонов. У него два средних образования и собственный бизнес. Он сирота, о своих биологических родителях ничего не знает, воспитывался в приёмной семье, но при этом регулярно посещает детский дом и занимается разного рода благотворительностью. Эту информацию Алиса собрала о нём из разных источников и частично получила от него самого. И есть второй Сергей Воронцов — сын Надежды Потаповой и Валерия Воронцова. Он тоже Сергей Валерьевич, но ему двадцать два, а не двадцать девять. Подробности о его детстве исчерпываются сведениями о злодеяниях нерадивой матери и о том, что потом Воронцовы не захотели забирать внука из детдома, а Потаповы — не смогли это сделать. У него был врождённый порок сердца и плохое зрение. Всё. Дальше био-

графия одного наслаивается на историю другого и выглядит вполне естественно. Но они ведь разные. У того Сергея, который старший, нет шрамов от операций на сердце, но полно других рубцов, полученных будто бы где-то в горячей точке. Дальтоником может быть любой из них. Я не врач, но сомневаюсь, что такую патологию можно диагностировать в младенчестве. Ну ладно, допустим, что младенческие шрамы полностью рассосались или были скрыты пластической операцией, а семь лет разницы в возрасте? Это не года или два, а довольно-таки большой промежуток времени. Почему его никто не замечает?

Снова вернулась к тому, с чего начинала — я ничего не понимаю. Загадка на тайне сидит и интригой погоняет. Непонятно, где искать правду, потому что Алиса и родители проблему в упор не видят, а я ткнуть их носом в эту неразбериху не могу. Идти к Миланье? Нет уж. Её отношение к женской половине семьи Бельских я уже слышала. Хотя она и извинилась за то, что убила меня, но это прозвучало похожим на «прости, что не до конца». Даже если бы эта чёрная ведьма осталась единственным в мире доступным собеседником, за советом и наставлениями я бы к ней точно не пошла.

Экран Алискиного телефона снова начал светиться — пришло уведомление от оператора о скором списании платы за услуги связи. Часы показывали пятнадцать минут пятого. Луна скрылась за облаками, но ночь уже закончилась —

летом светает рано. Окна палаты смотрят на запад, поэтому солнце через них не видно, но оно наверняка уже взошло. Разум устал разгадывать сложные ребусы, поэтому я просто смотрела на спящую сестру и прислушивалась к её ровному дыханию. Позже пришла медсестра, чтобы разбудить Алису и напомнить о необходимости сдать анализы. Алиска проснулась, взяла с тумбочки телефон и посмотрела на часы — уже шесть. Потом она заметила сообщение Воронцова, подумала немного и ответила: «Если бы ты вчера приехал, я была бы в полном порядке». И сразу же прилетел ответ от него: «Приехал куда?»

Алиса разозлилась.

— За дуру меня держишь, или папа соврал? — спросила она вслух, бросила телефон обратно на тумбочку и пошла умываться.

А моя коллекция неразгаданных загадок пополнилась ещё одной — кого из двух Воронцовых пригласил папа на праздник своей дочери? И если не этого, то был ли на вечеринке второй?

Глава 6

Глобальная чёрная полоса началась в жизни семьи Бельских с «хочу» моей сестры. Та истерика, которая уложила Алиску на больничную койку, была лишь первым тревожным звоночком. Дальше стало только хуже, причём по милости папы. Он терпеливый и спокойный человек, на многое смотрит философски, но вывести из себя можно даже его, что Алиса и сделала.

Она очень сильно сокрушалась по поводу того, что теряет водительские права. Наутро после аварии позвонила одной из клиенток своего салона — адвокату. Та внимательно выслушала Алискину версию происшествия, пообещала перезвонить через час и сдержала своё обещание, но браться за откровенно проигрышное дело не стала. Не знаю, принципиальным был этот отказ или нет, но сестрёнка не привыкла принимать любые. Следующий звонок был отцу — с просьбой вмешаться и дать кому-нибудь взятку, чтобы гаишники сделали вид, что ничего не было. И папа тоже ей отказал — впервые за двадцать два года.

Я думала, что её разорвёт от злости. Она не кричала, как обычно, а с холодной яростью в голосе заявила отцу, что он вообще не считает её своей дочерью. А он ответил, что это она считает родителей кем угодно, но не самыми родными людьми, с мнением, интересами и жизненной позицией ко-

торых иногда тоже нужно считаться. Не пожалел, не посочувствовал, не сказал ни одного доброго слова — только сухие фразы, будто с кем-то посторонним разговаривал. Такое необычное его отношение к Алисе можно было бы списать на похмелье, но я слышала его голос в тот момент — совершенно трезвый. Наверное, он запомнил всё, что дочь ему наговорила вечером, а сказала она тогда немало.

Папа обиделся, его можно понять. Да и просьба, в которой он отказал, тоже, если подумать, не из честных. Провинилась — отвечай. Не маленькая уже. Зачем ещё и родителей подставлять под удар? За взятки, насколько я знаю, ответственность положена не только берущему, но и дающему тоже. Есть свой доход, причём приличный — почему сама не захотела откупиться? Страшно?

Алиса обзвонила всех своих знакомых. Для протокола сказала, что весь вечер тогда ходила на высоких каблуках, ноги устали, вот и случилась судорога — просто не могла пошевелиться, чтобы отпустить педаль газа. Такое объяснение факт опьянения не отменяет, пользы от него не слишком много, но хотя бы исключает умысел — не хотела правила нарушать и создавать на дороге опасную ситуацию, само получилось. А в итоге все её усилия и старания оказались тщетными — с учётом всех зафиксированных камерами и инспекторами нарушений суд вынес постановление о лишении моей сестрёнки водительских прав на два года и выпи-сал штраф. А разочаровалась она при этом не в самой себе

— в окружающих.

Алиса провела в больнице неделю, потому что привыкла заботиться о своём здоровье и потребовала полное обследование. Все эти дни она была не в духе. С персоналом больницы не ругалась — отыгрывалась на маме. Мне было за неё стыдно. Мама ночами не спит, переживает и за дочь, и из-за того, что в семье начался разлад, а Алисе её тревоги, как выражается папа, до фонаря. Обидели девочку. Не нарушили закон, чтобы прикрыть учинённое ею беззаконие. Никто и пальцем не захотел пошевелить — бессердечные негодяи.

Воронцову она тоже хотела позвонить с претензиями, поскольку мама сказала, что папа его точно приглашал, но побоялась спугнуть добычу. Переписывалась с ним в мессенджере, но на все её сообщения он отвечал скупой и коротко. Навестить её в больнице он так и не приехал, хотя сестрёнка на это надеялась и даже на срок госпитализации отказалась от косметики — чтобы выглядеть бледной и несчастной. Работу своего салона красоты она при этом организовала так, что сотрудники превосходно обходились без начальства и даже звонили ей крайне редко.

Наблюдая за ней все эти дни, я испытывала всё большее разочарование и очень сильно печалилась по данному поводу, потому что вынуждена всегда находиться рядом. Раньше было проще. Всегда убеждала себя в том, что иного пути, кроме смирения и вечных сожалений для меня не существует, но теперь-то знаю, что это не так. Есть в каждом месяце

несколько часов или даже дней, когда я могу принадлежать только самой себе. В первый раз прогулка не была долгой и получилась случайной, но это, наверное, можно изменить регулярными тренировками. С каждым разом уходить дальше и не возвращаться дольше — вдруг сработает? Ну не хочу я постоянно смотреть на то, как Алиса отталкивает от себя самых надёжных и любящих людей, совершая безумные поступки и выдвигая завышенные требования. Если я имею право на отдых от всего этого, разве не глупо не использовать такой шанс?

В мыслях сам собой созрел план действий на обозримое будущее. Луна начинает убывать после полнолуния и сходит на нет к новолунию, а потом снова растёт. Точное время цикла мне неизвестно, но он длится вроде бы двадцать восемь дней или около того — можно приблизительно рассчитать, когда начнётся рост. К тому же текущую фазу всегда можно подсмотреть в Алискином телефоне, ведь прогнозом погоды сестра интересуется каждый день, а там в приложении есть маленький значок, обозначающий луну. Это всё, конечно, весьма условно, но за неимением лучшего для начала сойдёт и так. Изучать свои возможности я могу постоянно, потому что не ограничена никакими другими обязанностями, кроме сопровождения Алисы повсюду, куда бы она ни направилась. Задала себе несколько важных областей для исследования: возможность удалиться от сестры на большее расстояние, чем пять её шагов, пользование компьютером и

гаджетами в принципе, способность привлекать к себе внимание. Мне нужна свобода, если я хочу раскрыть тайну Воронцова. Позарез необходима информация, которой Алиска не интересуется. И ещё нужен пусть даже мизерный шанс в случае необходимости повлиять на ситуацию — хотя бы напугать или отвлечь, если по-другому нельзя. Для старта этого достаточно. Дальше планы нужно будет корректировать с учётом полученных результатов.

После выписки из больницы Алиса продолжила разрушать всё вокруг себя. Домой она не вернулась. С папой не разговаривала принципиально. Сняла квартиру не слишком далеко от своего салона и переехала от родителей туда. Купила новый автомобиль в кредит и наняла водителя, которого сразу же в автосалоне вписала в страховку. Она не ленивая, физическим нагрузкам уделяет достаточно внимания, но ходить на работу пешком или пользоваться общественным транспортом ниже её достоинства. Когда мама заговорила о том, что квартиру можно было бы купить а не арендовать, Алиса ей ответила: «За какие шиши? У папочки денег попросить? Нет уж, спасибо. Если я для него пустой звук, то и он для меня всего лишь эхо этого звука. Рассчитаюсь за машину, а потом возьму ипотеку. Не буду больше вас тревожить своими проблемами, а то ещё задолжаю ненароком».

Когда она стала такой? Почему я раньше не замечала, что моя сестрёнка постепенно превращается из гадкого утёнка в красивое чудовище? Казалось, что выбранный ею путь пра-

вильный. Она взяла себя в руки, поставила перед собой цели и решительно начала стремиться к их достижению, но где-то по пути успела растерять чуткость, человечность, деликатность и много чего ещё. Папа часто говорил, что мама слишком сильно балует этого ребёнка, но баловал Алиску сам. Всё, на что бы она ни посмотрела, сразу же оказывалось в её руках. Репетитор слишком требовательный? Наймём другого. Наряды перестали помещаться в шкаф? Расширим гардеробную. Телефончик устарел? Правда? Ладно, купим новый, хотя этот ещё даже гарантийный срок не исчерпал. Всё у моей сестры было новое, лучшее и сию минуту. Когда семья переживала трудные времена, Алиса проявляла понимание и не нагнела, но эта черта в ней каким-то образом стёрлась. Остались только «хочу», «дайте» и «вы обязаны». Она стала совершеннолетней четыре года назад, но поддержки родителей не лишилась, потому что её искренне любят. Как можно не ценить всё то, что было сделано ради её улыбки, хорошего настроения и светлого будущего? Маме с папой не нужна благодарность — они хотят лишь, чтобы их дочь была жива, здорова и счастлива. А ей для счастья, оказывается, нужно так много, что амбиции давно перестали уместиться в грани дозволенного. В этом я точно не виновата. И ведьма Миланья с её порчами и проклятиями тоже ни при чём. Родители просто избаловали Алиску донельзя, потакая всем её капризам, вот и пожинают теперь плоды своих стараний. Это как раз тот самый случай, когда благими намерениями доро-

га вымощена прямоком в ад. И ничего теперь не поделаешь, потому что в таком возрасте характер уже не корректируется — его можно только сломать.

Неделя в больнице и ещё столько же до новолуния — все эти дни я с нетерпением ждала того времени, когда можно будет начать собственные изыскания и понять пределы возможностей. Алиса своих намерений в отношении Воронцова не оставила — договорилась с ним о встрече, поскольку после окончания учёбы свободного времени у неё стало больше. Съёмная квартира ремонта не требовала, но сестрёнка всё равно занялась её преобразованием под свои нужды — согласовала с хозяйкой вывоз старой мебели и заменила всё на новое. На окна купила вертикальные жалюзи, потому что они ей нравятся больше, чем шторы. Заказала даже новый санфаянс и ванную, потому что брезговала пользоваться тем, к чему прикасались прежние жильцы. С учётом автокредита её расходы уже должны были начать вызывать тревогу, но она выглядела вполне спокойной и, планируя траты, со свойственной ей скрупулёзностью вела точные подсчёты. От предложений мамы о помощи упрямо отказывалась, хотя я бы на её месте помирилась с родителями, а не отталкивала их. У нас ведь больше никого нет. По папиной линии бабушка и дедушка уже умерли, а мамины живут за границей — мы их ни разу не видели даже. Жизнь ведь не бесконечна. Нужно дорожить каждым моментом, проведённым с близкими людьми, а не ссориться. Я бы дорожила,

но как раз в этом мы с Алисой, похоже, совершенно разные. Она не умеет ценить то, чего всегда было вдоволь, а я умею, потому что у меня ничего не было. Даже имени.

Вторая встреча Алисы с Воронцовым состоялась через неделю после выписки из больницы. Это был четверг — тот самый день недели, в который Сергей, следуя привычному уже для него ритуалу, посещает детский дом. Алиса предлагала поехать туда с ним, но он ответил, что это личное, и согласился встретиться вечером — в клубе «Альбатрос», место Воронцов назвал сам. Мы с сестрой прежде в этом клубе не бывали, но она навела справки и выяснила, что там обычно собирается большими компаниями молодёжь. Почти все посетители — постоянные, поэтому персонал знает каждого в лицо. Музыка, выпивка, дискотека, караоке — обычное увеселительное заведение, работающее до двух часов ночи.

«Буду ждать тебя в семь у входа», — написал Сергей в последнем своём сообщении, но Алиса намеренно опоздала на полчаса. А он и правда ждал, хотя погода испортилась. У него даже зонта при себе не было — стоял под узким козырьком невысокого крыльца и рукой прикрывал голову от косого дождя. Пиджак и брюки промокли насквозь. С волос на белоснежный воротник рубашки капала вода.

— Прости, мы в пробке застряли, — соврала моя сестрёнка, пряча идеальную причёску под зонтом.

— Ничего. Я сам немного задержался, — ответил Воронцов, и я как-то подсознательно поняла, что он тоже врёт.

Они вошли в клуб. Я — с ними, потому что у меня нет выбора. Внутри было тепло и пока ещё не слишком шумно. Сергей сказал, что основная масса гостей собирается к девяти вечера — тогда и музыка будет играть громче, и дышать станет нечем. Он этого не любит, но к «Альбатросу» у него отношение особенное.

— Это место встречи старых друзей, — пояснил Воронцов. — Здесь познакомились и встречаемся теперь тоже здесь по любому поводу. Выбирай столик, пока есть свободные.

Алиса выбрала тот, что подальше от выхода — в знак того, что не намерена уходить отсюда скоро. Сергей с её выбором согласился. Пока они усаживались и делали заказ официанту, я немного осмотрелась и заметила, что взгляды всех присутствующих устремлены на мою сестру. Она, конечно же, надела своё любимое короткое красное платье с открытыми плечами, поскольку решила, что не обязана подстраиваться под особенности чужого зрения. Но причина всеобщего внимания крылась не в этом броском наряде, а, вероятнее всего, в том, что Воронцов редко приходит сюда с девушками. Если здесь все друг друга знают, неудивительно, что его спутница вызвала интерес. Теперь ещё предметом сплетен станет, но если бы Сергей хотел избежать этого, то предложил бы для встречи более уединённое место.

— Серёж, мне, если честно, всё ещё не даёт покоя один вопрос, — начала Алиса разговор, к которому тоже готови-

лась заранее.

— Какой? — уточнил Воронцов.

— Папа утверждает, что звонил тебе лично и приглашал на вечеринку в честь моего выпускного. Номер тот же самый, на который зарегистрирован твой аккаунт в мессенджере и соцсетях. Признайся, ты просто забыл об этом приглашении?

— Не забыл, — прозвучало в ответ. — У меня тогда гости́л брат. Он ответил на звонок, а мне информацию не передал. У него небольшие отклонения в развитии, с ним такое иногда случается. Прости, что так вышло.

Снова соврал. А Алиска удивилась.

— У тебя есть брат?

— Младший, — ответил Сергей. — И мы не родные. Алис, это личное. Если ответ тебя удовлетворил, давай сменим тему?

«Тебя самого-то не тошнит от такого количества тайн и вранья?» — подумала я.

— Ладно, не вопрос, — согласилась сестра с его предложением. — О чём поговорим? О погоде? Или расскажи, как прошёл твой день. У меня после больницы все дни одинаковые — работа, заботы, ремонт, переезд.

Она попыталась заинтересовать его фактом своего переезда, специально сделав ударение на этом слове, но Воронцов будто бы ничего не заметил. Он откинулся на спинку мягкого кожаного сиденья, сцепил руки на столешнице в за-

мок и предпочёл не играть в долгие игры, а сразу перейти в наступление.

— Ты ведь не ради пустых разговоров о погоде сюда пришла. И тогда, в галерее, тоже подошла ко мне целенаправленно. Можешь прямо сказать, чего хочешь. Так нам обоим будет проще.

Алиса внутренне подобралась — его тон ей не понравился. А я неожиданно прониклась к Воронцову уважением, ведь разговаривать так холодно с моей сестрой и не коситься при этом на её декольте или длинные ноги способны далеко не все мужчины.

— Чего я хочу? — переспросила она, явно чувствуя себя уязвлённой его равнодушием. — Ладно, обойдёмся без прелюдий. Я хочу тебя, Воронцов.

— На одну ночь или как? — уточнил он.

Сестрёнка позеленела.

— Я тебя чем-то обидела? — спросила уже раздражённо.

— Нет, — невозмутимо ответил Сергей. — Просто я не верю в любовь с первого взгляда и в прочую подобную чушь. Ты наверняка навела справки обо мне, а я кое-что разузнал о тебе. Можно считать, что взаимную разведку боем мы провели и мнение друг о друге уже составили. Теперь пришло время узнать и о планах. У меня на тебя никаких видов нет. Если бы были, я бы сам начал искать встречи, но инициатива исходит от тебя. Говори. Я готов выслушать и дать ответ, но не могу обещать, что он тебе понравится.

— Ты всегда такой циничный?

— Я всегда практичный. Не люблю тратить время на то, что не принесёт ни пользы, ни морального удовлетворения.

Как бетонная стена толщиной в два метра — не прошибёшь. В прошлый раз, в галерее, он показался мне более открытым, простым и дружелюбным. Ан нет. Он сложный. Холодный, упрямый и расчётливый — Алиске под стать, как я и думала. Но такие люди не бывают небрежными, а этот не потрудился даже отлучиться в уборную, чтобы просушить намокшую под дождём одежду. И пиджак не снял, словно капающая с рукавов вода нисколько его не смущала.

Алиска тоже пребывала в смятении. Она привыкла к тому, что мужчины глаз с неё не сводят и теряют волю от одного только взмаха её ресниц, но Сергей Воронцов внезапно не оправдал её ожиданий. Ему без разницы, насколько она красивая. Он не шарит взглядом по её фигуре, а смотрит прямо в глаза и только в них — внимательно наблюдает, улавливает каждое изменение эмоций, изучает. Даже мне уже стало понятно, что окрутить, захомутать, оседлать и ехать верхом на этом жеребце у моей сестрёнки не получится. Об него не только зубы обломать можно — лоб расшибёшь. Но Алиса не привыкла сдаваться. Если не добьётся своего наскоком, будет искать обходные пути.

— То есть ты не считаешь, что можешь просто мне нравиться? — закинула она удочку.

— Я могу нравиться тебе внешне, — ответил Воронцов.

— Этого достаточно для короткой интрижки или регулярных интимных встреч без обязательств. Ещё тебе могут нравиться мои деньги, перспективы и связи. С точки зрения бизнеса они могут быть тебе полезны для собственного карьерного роста, но в данном случае речь идёт лишь о деловом партнёрстве. В остальном ты обо мне ничего не знаешь.

— Ну так позволь узнать. Ты ведь тоже знаешь обо мне далеко не всё. Мы едва знакомы, а ты уже меня отшиваешь, — продолжила Алиса свою игру, шансы на победу в которой уже стали призрачнее меня.

Официант принёс вино и закуски. Воронцов снял-таки пиджак и попросил, чтобы его просушили. После этого вернулся на своё место, налил немного вина в бокал Алисы, а в свой плеснул воду из графина.

— Я не пью алкоголь, — пояснил в ответ на вопросительный взгляд моей сестры.

— На аукционе пил шампанское, — напомнила она.

— Не пил, — возразил он.

— Но я помню, что у тебя в руке был бокал.

— Это был яблочный сок.

— У тебя аллергия на спиртное?

— Нет. Просто предпочитаю всегда сохранять ясность ума.

Алиса самодовольно улыбнулась и сделала глоток из своего бокала.

— Вот видишь, Серёжа, постепенно узнавать друг друга

не так уж и сложно. Теперь я знаю о тебе немножечко больше. Что в этом плохого? Может, всё-таки дашь мне шанс?

— Шанс на что? — уточнил он, подцепив вилкой со своей тарелки кусочек огурца. — Ты до сих пор так и не сказала, чего от меня хочешь.

Воронцов сосредоточился на еде, а моя сестрёнка умолкла и нахмурилась. Она не может сказать ему о своих целях и намерениях, поскольку они бесчестные. Скажет — гарантированно получит от ворот поворот, учитывая настроение собеседника. В последнее время ей и так слишком часто отказывают, чтобы добровольно напрашиваться на ещё одно категорическое «нет». Отступить она тоже не может, потому что это не в её характере. И не уйдёт, топнув ножкой, поскольку побоится сплетен о том, что Воронцов её отшил. Сама выбрала самый дальний от входа столик — это её промах, ей и выкручиваться.

Сергей спокойно продолжал ужинать. Я поняла, что он сам уйдёт после того, как опустеют тарелки. Алиса так и не нашла способ обернуть ситуацию себе на пользу, поэтому начала нервничать — следующей встречи ведь может и не быть, нужно хватать быка за рога сейчас.

— Почему не ешь? — спросил Воронцов, заметив, что она не притронулась к еде.

— Аппетита нет, — кисло ответила сестрёнка. — Если я тебе неинтересна, зачем тогда спрашивал после аварии, как я себя чувствую? Ночью. Как ты вообще узнал о том, что я

в больнице?

Он дожевывал кусочек бифштекса, проглотил его и сообщил:

— Там, куда тебя увезли, работает мой друг. Он видел нас вместе в галерее, поэтому позвонил мне и сказал, что ты в травматологии после ДТП.

— И всё?

— А что ещё? Ты мне не друг, не жена и не партнёр по бизнесу. Виделись всего один раз. Если кому-то померещилось большее, включая тебя, то это не мои проблемы.

Алиску прорвало, но высказывать гадости в лицо объекту своего интереса она не решилась. На негнувшихся ногах с царственным видом удалилась в уборную, а там плевалась и шипела в своё удовольствие столько, сколько этого требовало её текущее состояние. Мне не было её жаль — сама виновата. Никто не обязан соответствовать её ожиданиям и запросам. Иногда даже полезно прочувствовать крах своих надежд — это добавляет жизненного опыта.

Когда мы вернулись, Воронцова в клубе уже не было. Официант сказал, что он оплатил счёт, забрал влажный ещё пиджак и ушёл. Такого поступка Алиса от него точно не ожидала. На её месте я бы уже всё осознала, приняла и сдалась, но она не такая. Неудача лишь разожгла в ней азарт охотника.

— Ладно, Воронцов. Этот раунд за тобой. Посмотрим, кто победит в следующем.

Так и закончился этот вечер. Дома сестрёнка в гневе расколотила о стену пару новых чашек, после чего успокоилась и принялась придумывать новую стратегию покорения недосягаемой вершины по имени Сергей. А я подумала, что так ей и надо. Когда-нибудь она должна понять, что планета Земля вращается вокруг своей оси и Солнца, а не так, как того хочет Алиса Бельская. Подумала и упрекнула саму себя — нельзя так. Она ведь моя сестра и то, что держит меня среди живых. Если её вдруг не станет, я тоже исчезну. Слово Миланьи имело силу сжить человека со свету, а я ведь до сих пор не знаю, на что способны призраки. А вдруг мои нехорошие мысли тоже могут вредить живым? Нужно быть осторожнее, чтобы не сожалеть потом о непоправимом.

Глава 7

Следующее полнолуние я ждала с нетерпением маленького ребёнка. Волновалась, много раз прокручивала в мыслях свои планы на этот короткий промежуток времени. Потихоньку пыталась то отойти от сестры подальше, то воспользоваться её компьютером, ноутбуком или телефоном, но если движение было доступно мне и раньше, то с воздействием на устройства я экспериментировать никогда не пробовала. Я даже не знаю, есть ли у меня конкретная форма, похожая на человеческое тело. В зеркале не отражаюсь, тени не имею, рук-ног не чувствую. А мысленно на кнопки клавиатуры не нажмёшь и экранчик смартфона не активируешь. Но я не сдавалась и не разочаровывалась, ведь терять мне всё равно нечего. Не получится — ладно, буду пытаться снова. Все двадцать четыре часа в сутках принадлежат мне. Сестрёнка всегда перед носом — на неё можно лишь изредка поглядывать, потому что она не меняется.

Алиса эти две недели посвятила изучению видов массажа, потому что от мысли расширить перечень услуг салона красоты не отказалась. Она даже записалась на курсы, чтобы понять, что именно нужно требовать в будущем от соискателей на новую должность. Много читала, смотрела профессиональные ролики, посещала вебинары. О Воронцове будто бы забыла напрочь, но я-то знала, что в отношении него её

намерения несколько не изменились. Он больно ударил по её самолюбию — Алиска подобное с рук не спустит.

Точное время полнолуния я так и не выяснила, но хотя бы знала день. Нервничала невероятно, перестала обращать внимание на сестру, а её пригласили на какое-то мероприятие — я не вникала в детали, но, кажется, это был день рождения одной из постоянных клиенток салона. В ресторан нужно было приехать к восьми часам вечера, но Алиска занялась собой гораздо раньше — причёска, макияж, маникюр и так далее. А я около полудня почувствовала себя как-то иначе. Попробовала отдалиться от сестрёнки хоть немного — получилось, хоть и не без усилий, словно меня держала не только наша связь, но и ещё какой-то внешний ограничитель.

Радость на грани восторга — для меня эмоция редкая и бесценная. Увы, времени на свободу мне отведено не так уж и много, поэтому тратить на ликование и наслаждение новыми ощущениями я его не стала. У меня была цель — навестить родителей. Папа работает допоздна, но я знаю, где находится его офис. Мама всегда дома. Я соскучилась по ним. Слышать родной голос из динамика телефона и видеть человека — не одно и то же. Уже протиснулась сквозь сопротивляющийся воздух и стены в соседнее помещение, когда вдруг услышала знакомую фамилию — Воронцов. Это была комната отдыха, где сотрудники салона в перерывах между приёмом посетителей могут выпить кофе и немного от-

дохнуть. Там находились стилист-визажист Дима и подолог Олеся. Разговаривали они вполголоса, почти шёпотом, но у меня слух хороший. Остановилась, прислушалась.

— А ты откуда знаешь? — спросила Олеся.

— Братан двоюродный в «Альбе» диджеем работает, — ответил ей Дмитрий, помешивая ложечкой кофе в своей чашке. — Он сам видел.

— И что? Реально бортанул её?

— Да просто ушёл. Лёха сказал, что она от злости стала ещё краснее своего платья. Стояла посреди зала, а все на неё пялились.

— Жесть!

— Ага. Теперь наша Элис точно попытается унижить его в ответ. Она такое не прощает. Но, если честно, шансов у неё нет. Зима её пережует и выплюнет.

— Зима?

— Это погоняло детдомовское. От фамилии Зимин, он позже её сменил, — пояснил Димка, посмотрел на свои наручные часы и вздохнул. — Пора закругляться. У меня проблемный клиент в час.

Олеся тоже торопилась. Они допили кофе, вымыли чашки и убежали работать, а я ещё некоторое время оставалась в подсобке, потому что усваивала новую информацию. Зима, Зимин... Сергей Зимний — автор работ той самой выставки-аукциона, где Алиса и Воронцов впервые встретились. Эти же фотокартины висят на стенах в его квартире-студии.

И он многое знает о детях, которые запечатлены на снимках. Значит, Сергей Зимний и Сергей Воронцов — это всё-таки один и тот же человек. Алиса так глубоко не копала, ей творческие люди неинтересны, а он данный факт от неё скрыл. Просто умолчал, потому что она не спрашивала. Для неё эта неосведомлённость — большой минус, поскольку доказывает, что интерес моей сестры к аукциону был всего лишь показухой.

Но время стремительно отсчитывало мгновения моей свободы, поэтому я продолжила движение. Потихоньку, понемногу, продвигаясь вперёд будто сквозь толщу воды, выбралась на улицу. За отсутствием осязания к жаре или холоду я равнодушна, но солнце в этот день показалось мне особенно ярким — наверное, это из-за моего приподнятого настроения. Алискин салон находится в оживлённом квартале. Магазинов и кафетериев вокруг много, а в дневные часы тротуары заполнены спешащими по своим делам людьми.

«Домой! К маме!» — выбрала я направление. Можно было бы подняться немного вверх и двигаться над улицей, но мне хотелось почувствовать себя частью этого настоящего, живого мира, где люди потеют, натирают мозоли неудобной обувью, носят сумки и пакеты с покупками, ждут на остановках автобусы, спасаются от жары в тени деревьев и стоят в очередях у банкоматов, чтобы снять наличность с банковских карт. Алиса всё это не любит. Ей нравится комфорт, неприкосновенное личное пространство и возможность рас-

планировать каждую минуту своего дня. Она не стоит в очередях, не толкается в автобусах, не ест в дешёвых забегаловках. Привязанная к ней, я тоже привыкла к такому образу её жизни, но теперь могу делать то, что хочу сама. Пусть всего несколько часов. Пусть не в полной мере. Пусть меня никто не замечает, зато я могу наслаждаться атмосферой большого, шумного города сколько пожелаю.

На перекрёстке для пешеходов загорелся красный сигнал светофора. Я тоже остановилась, ведь это так здорово — чувствовать себя обязанной подчиняться правилам, которые не распространяются на призраков. Потом спустилась в подземный переход, где не была ни разу — сестра избегает таких мест. Там есть маленькие магазинчики, в которых можно купить фрукты, аксессуары для телефонов или нижнее бельё. Парень с длинными светлыми волосами, собранными в хвост, играл на гитаре, а прохожие бросали монеты и купюры в картонную коробку у его ног — мелочь, но не у всех ведь есть богатые родители. Дальше в небольшом парке дети резвились в фонтане, который бил чередующимися струями вверх из площадки прямо в тротуаре. Упитанный мужчина, одетый в одни только шорты, успокаивал плачущую девочку, уронившую мороженое. Молодая мамочка с коляской сидела на скамейке и улыбалась своему малышу. Я завидовала всем им, но белой завистью. Да, со мной судьба обошлась жестоко, но это ведь не повод злиться на весь мир.

Алиса выбрала неправильный путь. Теперь уже поздно

размышлять о том, так ли на самом деле несчастна она была в школьные годы, но даже если терпеть обиды было невыносимо, то сейчас она поступает с окружающими точно так же. Своими стараниями сестрёнка заслужила репутацию капризной стервы, но не уважение к себе. Разве это хорошо? Такая броня только на вид выглядит надёжной, но она лишь притягивает негатив, а не отражает его. Всё это очень грустно.

Мне захотелось прокатиться в автобусе — просто так, бесцельно. Вплыла в первый подъехавший вместе с другими пассажирами, но ещё до следующей остановки снова оказалась на улице, причём посреди проезжей части — связь не пустила дальше. На моём пути будто бы возникло незримое и непреодолимое препятствие. Я двинулась вдоль него, прощупывая, предпринимая попытки пробиться, но в итоге поняла лишь, что оно очерчивает круг с центром в салоне моей сестры. Значит, в обычные полнолуния свободы и правда меньше. И к родителям в гости я не попаду, потому что не отошла от салона даже на пару кварталов.

Вернуться?

Не хочется. Не так уж и много у меня личного времени, чтобы тратить его впустую. Гуляла, наблюдала за тем, как кипит в послеобеденные часы городская жизнь. Бродила по улицам и размышляла о том, сколько времени и усилий мне нужно потратить на то, чтобы получить больше имеющегося. От нечего делать заглянула в большой торговый центр

и застряла на целый час в игровой зоне, где мальчишки в очках виртуальной реальности крошили несуществующими мечами разные несуществующие объекты — увлекательное и очень забавное зрелище. А потом меня начало тянуть сестринской связью и сдвигать тем самым незримым препятствием куда-то, куда направилась Алиска. Четыре часа дня. До вечеринки, на которую она приглашена, времени ещё много. Мне стало интересно, зачем она покинула салон, поэтому я поспешила вернуться к ней и заняла привычное для меня место на заднем сиденье её легкового автомобиля.

Машина остановилась возле маленькой кофейни. Посетителей внутри заведения было всего двое, один из которых поднял руку, привлекая Алискино внимание. Мужчина лет сорока. Неприметный, угрюмый и в целом не создающий приятное впечатление. Сестра подошла к его столику, поздоровалась, присела на обтянутый коричневым дермантином круглый табурет и вынула из своей сумочки конверт.

— Здесь сведения, которыми я располагаю, и предоплата. Никаких фото и видео не нужно, только информация.

Мужчина взял конверт, заглянул в него и подцепил пальцем сложенный втрое лист бумаги.

— Прямо здесь будете читать? — возмутилась Алиса.

— Ну мне же нужно озвучить вам итоговую стоимость услуг, — прозвучало в ответ деловито. — Размер вознаграждения зависит от сложности работы.

Сестра сердито вздохнула и недовольно поджимала губы

всё то время, пока её собеседник изучал текст на листе. Я тоже прочла — там было всё, что Алиса знает о Воронцове. «Что она опять задумала?» — мелькнула тревожная мысль.

— Что именно вы хотите о нём знать? — осведомился тот, кого, судя по ситуации, можно было с уверенностью назвать частным сыщиком.

— Привычки, круг друзей, места, в которых он бывает регулярно, время таких визитов, — перечислила Алиса. — У него дважды были длительные отношения. Если раздобудете информацию об этих девицах, гонорар удвою.

— Хорошо, — согласился собеседник и назвал цену, после чего моя сестрёнка не слишком красиво выпучила глаза.

— А вы себя не переоцениваете? — спросила она.

— Нисколько. Подобный способ сбора информации о частной жизни законным не является, связан с определёнными рисками, поэтому стоит дорого. Фотографии тех двух любовниц вам тоже не нужны? Только имена?

Алиска подумала немного и ответила, что нужны. Цена услуг сыщика сразу же возросла, но эта часть поставленной задачи и оплаты за неё относилась к фразе «если получится». Было похоже, что моя сестрица решила плотно взяться за Воронцова и наконец-то осознала, что действительно практически ничего о нём не знает. Пусть. Это её деньги. Она сама их заработала и сама решает, на что тратить.

Сестра вышла из кофейни первой. Я задержалась, чтобы посмотреть, что неприятный человек будет делать дальше,

но успела только увидеть, как он пересчитывает деньги — связь снова утатила меня прочь. Алиса поехала не в салон, а к себе на квартиру, но эти два места находятся в относительной близости друг к другу, поэтому я вернулась в тот же самый район, где была до вынужденного путешествия. Движение прекратилось. Я остановилась рядом с магазином обуви и не без раздражения подумала о том, что в этот раз прогулка получается не слишком приятной. И стоило мне об этом подумать, как передо мной сразу же возник расплывчатый, прозрачный силуэт мёртвой ведьмы.

— Что? Не выходит от сестрёнки отделаться? — усмехнулась она.

— Как вы меня нашли? — удивилась я.

— А чего искать-то? Я с вами тремя неоконченным делом связана. Мне искать никого не нужно. Помочь советом?

— Не надо, — отказалась я. — Я Алисе вредить не буду, даже не надейтесь.

— Да она и сама неплохо себе вредит, — насмешливо фыркнув, ответила Миланья. — Знаешь, с кем она встречалась сейчас? Уголовник это. В розыске он. Личину сменил, паспорт поддельный купил, в наш город жить переехал. Теперь вот продажей сведений о людях промышляет, но и о более грязные делишки руки пачкать тоже не стесняется. А она, дура, ему такую кучу денег пообещала. Не кончится это для неё добром, попомни моё слово.

— А вы и рады, — язвительно отозвалась я.

— А чего не радоваться-то? Чем быстрее...

— Ну хватит! — разозлилась я. — Что вам от меня нужно?

— Да ничего мне не нужно, — нисколько не смутилась она. — Смотрю просто полдня уже, как ты маешься, вот и не стерпела, показалась. Ты всё неправильно делаешь. Связь между вами не тянуть, а отпускать надо, будто клубок разматываешь. И о сестре поменьше думай, а то сама к ней тянешься. Все мысли ею только и заняты.

— А кем ещё они должны быть заняты, если мы с ней всю жизнь вместе?

— Проводником этим, за которым она вьётся, — прозвучало в ответ.

— Проводником? — немедленно остыла я. — Это вы о Воронцове?

— А о ком же ещё-то? — хитро улыбнулась ведьма. — Что? Интересно, да? Я о нём многое сказать могу, но не даром. Условие есть.

Ну конечно. Кто бы сомневался.

— Какое? — спросила я.

— Ты никогда не будешь идти с этим мальчиком на контакт.

— Почему?

— Потому что условие такое. Подробности не будет.

Ну очевидно же, что она добивается обратного. Да и в целом повторяется. В прошлый раз тоже появилась из ниоткуда.

да, ненавязчиво дала добрый совет, набросала намёков и исчезла. Теперь снова то же самое. Назвала Воронцова проводником, а я уже догадываюсь, что он способен видеть призраков. Может, он медиум. Если так, то для меня вполне естественно интересоваться его способностями. А если запретить контактировать с ним, то всё станет ещё интереснее. Я ведь и без её откровений понимаю теперь, что контакт возможен. Могу сама спросить у Сергея всё, что хочу узнать. На что рассчитана эта игра? На то, что я глупая?

— Нет уж, спасибо, — отказалась я, чем вполне удовлетворила собеседницу.

— Ну как знаешь, — ответила она и испарилась в неизвестном направлении точно так же, как в прошлый раз.

Чего добивается? Сначала вкратце и намёками рассказала о моих возможностях в полнолуние, теперь к Воронцову подталкивает. Или рассчитывает на обратный эффект — из чувства протеста я могу ведь принципиально не соваться к этому загадочному человеку. Чего хочет эта злодейка?

Мимо меня и сквозь меня туда-сюда сновали прохожие. Рабочий день то ли уже закончился, то ли близился к концу, потому что людей на улице стало больше. Я поднялась вверх и расположилась на крыше ближайшей высотки — внезапно захотелось одиночества. Сидела там и думала обо всём понемногу, пока наша с Алиской сестринская связь не потащила меня в шикарный загородный клуб, куда сестрёнка приглашена на день рождения своей клиентки. Роскошные вечер-

ние наряды, сияющие драгоценности, фальшивые улыбки... Так уже это всё надоело, что я не стала даже приближаться к месту праздника и воспользовалась редкой возможностью погулять по лесу. Пусть это и не лес в полном смысле слова, а ухоженная сосновая посадка, зато там никто не говорит другу другу неискренних слов и не пытается показать свою значимость. Там тихо и спокойно. Можно размышлять в своё удовольствие о чём угодно, слушать шуршание ветвей на ветру и писк комаров, наслаждаться ароматами природы и не переживать за сестру, которая наверняка снова сотворит что-нибудь фантастически нелепое. Она не любит лес, а я люблю. Если бы могла, то проводила бы на природе больше времени, а пока остаётся лишь мечтать об этом и пользоваться такими вот редкими шансами на исполнение простых желаний.

Глава 8

От полудня до полуночи ровно двенадцать часов — не так уж и мало, если подумать, а я потратила эти бесценные часы впустую. Всё ведь распланировала, но сначала поддавалась сиюминутным желаниям, потом была расстроена встречей Алисы с неблагонадёжным частным сыщиком и очередным разговором с Миланьей. Не учла вероятность стороннего вмешательства в мои планы — моя ошибка, некого винить. И вообще надо смотреть на неудачи философски. Во-первых, я всё же удостоверилась в том, что ведьма не соврала, и какая-то свобода у меня есть. Во-вторых, я выяснила, сколько длится эта самая свобода. Уже что-то, учитывая, что раньше не было и этой малости.

Алиса в тот вечер пила мало, много улыбалась знакомым людям и незнакомцам, в результате чего обеспечила своему салону красоты ещё нескольких потенциальных клиентов. На съёмную квартиру мы вернулись около часа ночи. Сестра приняла душ и сразу же легла спать, чтобы утром не выглядеть помятой. Начиная со следующего, дни снова стали для нас одинаковыми, пока не состоялась очередная встреча Алисы с мужчиной, не вызывавшим у меня ни капли доверия или симпатии.

Та же кофейня. Тот же столик. То же скучающее выражение на лице у торговца частной информацией и такой же хит-

рый прищур его бессовестных глаз. Алиса получила первую порцию сведений о Воронцове — на словах, не в печатном варианте.

— Сменил фамилию после детдома? — недоверчиво переспросила она. — Этого не может быть. Я уверена, что...

— Если уверены, зачем деньги на информацию тратите? — спросил сыщик. — Могли бы и дальше верить сплетням, они бесплатные. А я говорю вам то, что можно подтвердить документально. Он не подкидыш, не потеряшка и даже не отказник. В дом малютки попал из-за несчастья, случившегося с родителями. Они в аварии погибли, когда ему четыре месяца было. Неудачно съездили в супермаркет за памперсами. Поручили ребёнка заботе соседки и не вернулись. Оба сироты, поэтому парень тоже остался круглым сиротой. От рождения имел фамилию Рогов, а потом стал Зиминим, потому что его усыновили. Но Зимины спустя три года развелись и вернули его на попечение государства. Потом были временные опекуны. Их подноготную я не выяснял, но пацан кочевал по рукам, как игрушка. В общей сложности дольше жил в детдоме, чем в семьях.

— Почему же взял фамилию Воронцов, а не Рогов? — спросила Алиса.

— Этого я не знаю, — услышали мы обе в ответ. — Я полагаюсь только на факты, а их не на каждое действие нарыть можно. Образований у него два, в этом вы оказались правы. О его бизнесе информация у вас тоже достоверная, но есть

ещё и хобби. Он фотолобитель. Увлекается чёрно-белой фотографией и даже содержит студию, но пользуется ею только сам и время от времени. Его работы можно встретить на выставках под псевдонимом Сергей Зимний.

Алиса побледнела — до неё наконец-то дошло, что в галерее она тогда общалась с автором выставленных работ. Даже одну из картин купила, которую увезла в свой салон, но так ни на одну стену и не повесила.

— Ну да. Если так много времени провёл в детдоме, то неудивительно, что теперь занимается благотворительностью. К тому же он сам сердечник, — сказала сестра, чтобы скрыть своё смятение.

— В этом вы глубоко заблуждаетесь, — возразил её собеседник. — У него нет и никогда не было тех проблем со здоровьем, о которых вы где-то слышали.

— Не было? — удивилась Алиска.

— Угу, — кивнул сыщик. — Детские болезни он перенёс такие же, как у всех. В юношеском возрасте увлекался бегом и участвовал в местных, районных и областных соревнованиях. В армии...

— Он и в армии служил?! — изумилась сестра.

— А что вас удивляет? Здоровый, крепкий парень. Призыв по возрасту пропустил из-за учёбы, после колледжа пошёл служить, но его через полгода комиссовали из-за ранения и необходимости длительной реабилитации.

— В горячей точке служил что ли? — нахмурилась Алиса.

— Нет. Шальная пуля на стрельбах. Сослуживец неудачно курок спустил.

— А вы ничего не путаете?

— Могу предоставить доказательства своих слов, но оплата...

— Не надо, — отказалась сестра. — Я вам верю, просто такое впечатление сейчас, будто мы о разных людях говорим.

— Это потому, что раньше вы получали информацию из ненадёжных источников, — не без гордости заявил тот, кого Миланья назвала уголовником в розыске. — Дальтонизмом ваш Воронцов, кстати, тоже не страдает. У него вообще нет никаких наследственных заболеваний, а зрение испортилось после травмы, полученной пять лет назад. Один из его магазинов находился на первом этаже жилого дома. Дом старый, капремонта не видел никогда, перепланировка под коммерческие помещения была сделана неправильно, поэтому случилось обрушение. Второй и третий этажи одного подъезда сложились на первый. Может, вы слышали об этом? На Масловской. По телевизору тогда в новостях долго это мусолили, потому что виноватых не могли найти.

— Не слышала, — призналась Алиса.

— Ну не суть, — простил ей сыщик неосведомлённость. — Парень тогда в магазине своём находился. Его завалило основательно, только через несколько часов спасатели вытащили. Поломался весь, голову повредил. Два месяца в коме лежал, но очухался. А девчонку, что продавцом у него рабо-

тала, так и не спасли. После этого у него и с глазами проблемы, и с головой чутка имеются.

— В смысле?

— В прямом. У психотерапевта он наблюдается, но к архивам психушки у меня доступа нет, уж извините.

— Ну нет, — упрямо возразила Алиса. — Вы всё-таки что-то путаете. Как он мог пять лет назад иметь собственный магазин, если тогда ему было всего семнадцать?

— Это вы что-то путаете, — нахмурился и сыщик тоже. — Если сейчас ему двадцать девять, то как пять лет назад могло быть семнадцать? У вас в школе по математике какая оценка была?

Ну наконец-то дошли до самого главного. Они ещё какое-то время препирались, потому что Алиска сдаваться не привыкла, но в конце концов она сочла, что достаточно богата, чтобы серьёзно потратиться на правду. Снабдила этого неприятного мужика информацией о Воронцовых и Потаповых, попросила нарыть сведения о другом ребёнке и выплатила ещё один аванс. А потом отдала деньги за уже полученное — часть итоговой суммы, оговоренной ранее. Я напомнила бы ей, что она просила не о прошлом Воронцова разузнать, а о нынешних привычках и прежних романтических отношениях, но, во-первых, не в моих возможностях вмешиваться, а во-вторых, результат в итоге меня вполне устроил. Хотя бы стало понятно, откуда у Сергея такие жуткие шрамы на теле. И то, что он забыл о приглашении на вечеринку, то-

же теперь объяснимо — не в себе был человек в тот момент, вот и не запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.